

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Материалы к биографии В. Ф. Эрн

1. ИЗ МЕТРИЧЕСКОГО СВИДЕТЕЛЬСТВА О РОЖДЕНИИ В. Ф. ЭРНА

30 июня <12 июля> 1884 г.

По указу его императорского величества дано сие из грузино-имеретинской святейшего правительствующего Синода конторы управляющему тифлисским аптечным магазином статскому советнику Францу Карловичу Эрну* в том, что вследствие просьбы о выдаче ему свидетельства о рождении и крещении усыновленного им сына тифлисского гражданина Гавриила Арефьева — Владимира, найдена была справка, по коей оказалось, что в метрической книге Тифлисской Колубанской Богородинской церкви за тысяча восемьсот восемьдесят второй год, в первой части родившихся в статье 49-ой мужского пола записано: «родился пятого августа, крещен двадцать четвертого октября Владимир; родители его: тифлисский гражданин Гавриил Андреев сын Арефьев и законная жена его Ольга Павлова, оба православного вероисповедания <...>».

*(Центральный государственный исторический архив
г. Москвы [далее — ЦГИАМ]. Ф. 418. Оп. 82.
Д. 390. Л. 5—5 об. Заверенная копия)*

Предлагаемые материалы впервые были опубликованы В. А. Волковым и М. В. Куликовой в религиозно-философском журнале «Начала» (1993. № 3. С. 129—137).

* Франц Карлович Эрн, уроженец г. Ревеля (Эстландская губ.), управляющий тифлисским аптечным магазином Кавказского военного округа (с 1882 г.). выпускник Дерптского университета, был женат первым браком на вдове тифлисского гражданина Гавриила Арефьева — Ольге Павловне и по определению Правительствующего Сената, состоявшемуся 28 апреля 1884 г., усыновил Владимира (ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 82. Д. 390. Л. 10—15).

**2. ЗАЯВЛЕНИЕ ПРОФ. В. И. ГЕРЬЕ ОБ ОСТАВЛЕНИИ
В. Ф. ЭРНА ПРИ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

10 <23> сентября 1904 г.

В историко-филологический факультет

Имею честь представить к оставлению по кафедре истории Владимира Эрна и вместе с тем ходатайствую о назначении ему содержания из министерских сумм или же какую-либо из стипендий, находящихся в распоряжении факультета.

Проф. В. Герье

(ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 82. Д. 390. Л. 20. Автограф)

**3. ПРОШЕНИЕ В. Ф. ЭРНА О ПРИНЯТИИ ЕГО
В ЧИСЛО ПРИВАТ-ДОЦЕНТОВ**

11 <24> мая 1910 г.

В историко-филологический факультет
Императорского Московского университета
магистра философии Владимира Францевича Эрна

Прошение

Честь имею покорнейше просить историко-филологический факультет ходатайствовать о принятии меня в число приват-доцентов Московского Императорского университета. Curriculum vitae* и список научных трудов при сем прилагаю.

Владимир Францевич Эрн

(ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 82. Д. 390. Л. 33. Автограф)

4. CURRICULUM VITAE ВЛАД. ЭРНА

Я родился в 1882 г. в городе Тифлисе и все время до поступления в Университет прожил в семье. Воспитывался во 2-й Тифлисской мужской классической гимназии, где учился хорошо не от большого усердия, а от легкости усвоения преподаваемого. Окончил гимназию в 1900 г. с золотой медалью. Из гимназических впечатлений учебного

* Краткая биография (лат.).

характера было самым сильным и лучшим — уроки истории Г. П. Гехтмана. Его влияние в смысле возбуждения самостоятельности мысли и интереса к серьезному исследованию — на весь класс было огромно. А для меня лично его уроки были целой эпохой в моем внутреннем развитии. Пробуждавшейся мысли он давал обильное содержание, а своей обаятельной личностью давал живое и наиболее убедительное доказательство всей важности и ценности того пути, по которому он шел. Его преподавание подготовило меня к университету, и в университете чрез это я время даром не терял и занимался, не разбрасываясь, а по некоторому внутреннему плану, который сам собою наметился моими духовными потребностями. В первые полтора года я занимался преимущественно философией, особенно Платоном, Аристотелем, Декартом, Беркли, Кантом и Соловьевым; а затем все остальное время посвятил изучению всеобщей истории. Особенно подробно и на основании источников я изучил историю христианства первых 2-х веков и кандидатское сочинение написал о св. Иустине.

Владимир Эрн

(ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 76. Д. 715. Л. 4, 17. Автограф *)

5. ПРОШЕНИЕ О КОМАНДИРОВКЕ ЗА ГРАНИЦУ

В историко-филологический факультет
Императорского Московского университета
магистранта Владимира Францевича Эрна

Прошение

Честь имею просить историко-филологический факультет возбудить ходатайство перед Министерством народного просвещения о командировании меня с ученою целью на два года за границу с содержанием из сумм Министерства. Избравши темой диссертации всестороннее рассмотрение проблемы познания, мне по ходу моих мыслей необходимо исследовать вопрос о том, как новая европейская мысль преобразовала античную идею <...> в свое понятие о природе. Для этого мне нужно изучить итальянскую натурфилософию переходного времени, мало исследованную по рукописным материалам, хранящимся во Флоренции. Кроме того, мне необходимо исследовать историю античного Логоса в патристике и в философии Средних веков. Книгохранилища Парижа и Лондона, как наиболее богатые литературой по данным вопросам, — мне представляются наиболее подходя-

* Автобиография написана в апреле 1904 г. в связи с испытаниями в историко-филологической комиссии и представлена в комиссию вместе с другими документами.

щими местами для работы над той частью диссертации, которая будет посвящена изысканиям по истории Логоса. Но так как историческая часть диссертации будет служить лишь материалом для систематического исследования о нормальной постановке проблемы познания — я бы считал очень желательным для себя ближайшее ознакомление с различными направлениями современной гносеологии в Германии. Ввиду этого, кроме библиотек Флоренции, Парижа и Лондона, я бы хотел часть работы писать в различных университетских городах Германии.

Владимир Эрн

(ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 82. Д. 390. Л. 47. Автограф)

**6. ЗАЯВЛЕНИЕ ЗАСЛУЖЕННОГО ПРОФЕССОРА Л. ЛОПАТИНА
И ОРД. ПРОФ. Г. ЧЕЛПАНОВА О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ
ПРИВАТ-ДОЦЕНТУ В. Ф. ЭРНУ ЗАГРАНИЧНОЙ КОМАНДИРОВКИ**

<Октябрь, 1910>

В Историко-филологический факультет
Императорского Московского университета

Честь имеем просить историко-филологический факультет ходатайствовать перед Министерством народного просвещения о командировании приват-доцента В. Ф. Эрн за границу на два года, для написания магистерской диссертации, с содержанием из сумм Министерства. К этому присоединяем краткие сведения о его жизни и отзыв о нем.

Владимир Францевич Эрн родился 5 августа 1882 г. в Тифлисе. 9-ти лет поступил в Тифлискую 2-ю Е. И. В. Великого князя Михаила Николаевича гимназию, которую окончил в 1900 г. с золотой медалью. Получив кавказскую стипендию, В. Ф. Эрн в 1900 г. поступил в Императорский Московский университет на историко-филологический факультет. Здесь занятия его распределились поровну между историей, с одной стороны, и философией, с другой. Он участвовал во всех практических занятиях и писал рефераты как по истории, так и по философии. В Философской секции историко-филологического студенческого общества он в заседании под моим председательством прочел в 1903 г. выдающийся реферат о Беркли. В 1904 г. он удостоен был премии за свою философско-историческую работу о Иустине Философе. В 1904 г. В. Ф. Эрн сдал государственный экзамен и был оставлен при университете [Заслуженным] проф[ессором] В. И. Герье по кафедре всеобщей истории. Начав готовиться к магистерскому экзамену по истории, В. Ф. Эрн постепенно стал сознавать свое особое призвание к философии и в 1908 г. возбудил ходатайство в факультете о разрешении ему держать магистерский экзамен по философии. Во время

экзамена и подготовки к нему В. Ф. Эрн напечатал статьи: «Идея катастрофического прогресса» (Русская мысль, X, 1909 г., написана статья в 1906 г.), «Социализм и проблема свободы» (Живая жизнь, II—III, 1907 г.), разбор книги Геккеля «Мировые загадки» (Живая жизнь, I, 1908 г.), «Методы исторического исследования» (в предисловии к переводу «Сущность христианства Гарнака». Москва 1907 г.), «Русский Сократ», популярный очерк о жизни и философии Г. С. Сковороды (Северное сияние, I, 1908 г.), «Размышления о прагматизме» (Московский ежен. № 16—17, 1910 г.), «Нечто о Логосе, русской философии и научности» (Московский ежен. № 29—32, 1910 г.).

21 апреля 1909 г. В. Ф. Эрн начал сдавать магистерский экзамен и кончил его 20 марта 1910 года, причем все испытания сдал очень хорошо.

10 мая 1910 г. В. Ф. Эрн с большим успехом прочел 2 вступительные лекции: «Беркли и имманентная философия» и «Природа философского сомнения».

В. Ф. Эрн представляет из себя уже определенную величину в русской философской литературе. Человек многосторонней начитанности и даже учености, живой и даровитый писатель, с твердыми, ясно сложившимися убеждениями, он заставляет многого ждать от себя в будущем. Напечатанные до сих пор статьи его невольно обращают на себя внимание искренностью своего тона, и оригинальностью взглядов, и диалектической тонкостью аргументации. Темой своей будущей магистерской диссертации В. Ф. Эрн избрал всестороннее рассмотрение проблемы познания как в ее историческом развитии, так и в ее систематической нормальной постановке. Для успешной разработки этой темы В. Ф. Эрну необходимо посещение европейских библиотек в Париже, Лондоне и Флоренции, а также возможно более близкое ознакомление с течениями философской мысли в современной Германии. Считаю необходимым отметить, что В. Ф. Эрн вполне хорошо владеет новыми языками.

Заслуженный профессор Л. Лопатин
Ординарный профессор Г. Челпанов

(ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 82. Д. 390. Л. 46—46 об. Копия)

7. ИНСТРУКЦИЯ МАГИСТРАНТУ В. Ф. ЭРНУ

<Октябрь, 1910>

Ввиду гносеологического характера диссертации, которую намерен писать В. Ф. Эрн, мы рекомендуем ему прежде всего детально ознакомиться с некоторыми течениями современной гносеологической мысли Германии. Необходимое ознакомление со школой телеологическо-

го критицизма лучше всего произвести под руководством наиболее крупного представителя этой школы — Риккерт⁵ (в Фрейбурге). Также необходимо В. Ф. Эрну ознакомиться с новым течением логической мысли, стремящимся к очищению логики от всякого психологизма. Занятия под руководством Гуссерля⁶ (в Геттингене), наиболее ярко сформулировавшего идею «чистой логики», будут лучше всего способствовать этому ознакомлению.

Окончив эти занятия, В. Ф. Эрн должен поработать над рукописными материалами, хранящимися в библиотеках Флоренции и Рима, для того, чтоб на примере итальянских натурфилософов переходного времени выявить ту эволюцию мысли от античного понятия природы к картезианскому понятию материи, которая нужна В. Ф. Эрну для критического анализа проблемы познания, как она поставлена в новой философии. Так как, по ходу мысли, В. Ф. Эрну предстоит изыскания по истории Логоса в патристике и средневековой философии, мы рекомендуем ему занятия в Национальной библиотеке (в Париже) и в Британском музее (в Лондоне).

Заслуженный профессор Л. Лопатин
Ординарный профессор Г. Челпанов

(ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 82. Д. 390. Л. 45. Подлинник)

8. ТЕЗИСЫ К ДИССЕРТАЦИИ «РОЗМИНИ И ЕГО ТЕОРИЯ ЗНАНИЯ»

1. В философии Розмини необходимо различать два периода: период отвлеченной идеологии и период онтологического обоснования идеологии. Связующим звеном между этими двумя периодами является критика Джоберти.

2. Идеологическое построение у Розмини предваряется историко-критическим анализом предшествующей мысли.

В основу последнего положены два принципа: принцип «недостаточности» и принцип «излишка» в объяснении.

3. Первым принципом осуждаются системы воззрений Локка, Кондильяка, Рида, Смита, Дюгальта Стюарта. Эти системы при объяснении факта познания не проникают достаточно глубоко в основную трудность, состоящую в том, что познание предполагает предсуществующие в разуме первичные элементы общности.

4. Вторым принципом осуждаются системы воззрений Платона, Аристотеля, Лейбница, Канта. Эти системы, глубоко проникая в основную трудность проблемы познания, допускают некоторый излишек в объяснении, не вытекающий из существа идеологической проблемы.

5. Элемент общности, с одной стороны, должен быть признан сверхопытным или врожденным; с другой стороны, сведен к последнему минимуму и к предельной простоте.

6. Этим условиям отвечает идея бытия, взятого неопределенно. Идея бытия не может быть выведена ни из ощущений, ни из чувства личного существования, ни из рефлексии Локка. Она может быть признана лишь врожденною.

7. Для того чтобы взять идею бытия в подлинной универсальности, необходимо отделить понятие бытия от понятия реальности. Бытие должно быть взято как бытие возможное или как сущее возможное.

8. Сущее возможное характеризуется: объективностью, идеальностью, простотою, единством, универсальностью, необходимостью, неизменностью, вечностью и неопределенностью.

9. Сущность возможного сущего познается сама собою и через себя самое. Все же остальное познается при помощи ее и через нее. Вся множественность познавательных форм является ни чем иным, как комбинацией двух начал: идеи неопределенного бытия и ощущений.

10. Из идеи бытия непосредственно вытекают: общие принципы рассуждения, элементарные идеи (единство, число, возможность, универсальность, необходимость, неизменность, абсолютность) и основы конкретного познания: идея субстанции и причины.

11. Идея неопределенного бытия есть несокрушимая основа достоверности как познания вообще, так и познания конкретного. Основа идеологии является в то же время основой критериологии.

12. Из идеи бытия, скомбинированной с ощущениями, выводятся идеи телесной субстанции и связанные с нею идеи времени, движения и пространства.

13. Основной недостаток всего идеологического построения Розмини заключается в отсутствии логической непрерывности в его рассуждениях. Его дедукции то ведутся по идеальным линиям внутренней связанности одной формы мысли с другою, то обосновываются простым психологическим констатированием.

14. Понятие врожденности, предложенное Розмини, нарушает основной принцип идеологии, детерминируя идею неопределенного бытия в двойном смысле: и метафизически, и антропологически.

15. Картина Джоберти является внутренним моментом развития розминиевской идеологии. Она раскрывает недоговоренность учения Розмини о возможном сущем.

16. Джоберти доказывает психологический характер идеологии Розмини, отчетливо формулирует в борьбе с ним (Л. 14) проблему психологизма, вскрывает двойственность первопринципа Розмини, тающего в себе ряд разрушительных следствий, и ставит требование подвести под идеологию онтологический фундамент.

17. Второй период философии Розмини находится в зависимости от этого требования. В главном сочинении второго периода, в «Теософии», Розмини делает попытку онтологически обосновать свою идеологию.

18. В этой попытке наиболее важны два пункта: учение об исходном пункте и учение о творении. Учение об исходном пункте, с кото-

рого начинается теософическое построение, страдает внутренней неустойчивостью.

19. Высшим пунктом в стремлении Розмини онтологически обосновать идеологию является учение о творении, по коему неопределенное бытие утверждается как божественная абстракция, составляющая первый момент миротворящего акта.

20. Учение Розмини о творении лишено онтологического смысла и является необоснованным. Ему не удается прочно утвердить различие между Богом и божественным. В «Теософии» Розмини не разрешает поставленного Джоберти вопроса.

21. Положительное значение Розмини заключается в типичности его неудач. Он проходит до конца один из неизбежных путей трактования гносеологической проблемы и тем облегчает дальнейшее ее исследование.

(Впервые опубликовано в справочно-информационном издании, составленном Ю. Н. Сухаревым: «Русская философия: философия как специальность в России». М.: РАН ИНИОН, 1992. Вып. 2. С. 39—41).

9. «РОЗМИНИ И ЕГО ТЕОРИЯ ЗНАНИЯ» (ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ В. Ф. ЭРНОМ)

Вчера в Богословской аудитории университета, в 2 ч. дня, состоялась защита диссертации прив.-доц. Московского университета В. Ф. Эрном на тему: «Розмини и его теория знания», представленной им на соискание степеней магистра философии. Официальными оппонентами выступили проф. Л. М. Лопатин и прив.-доц. А. П. Казанский.

В. Ф. Эрн в своей вступительной речи кратко обрисовал еще совершенно неизвестное у нас, в России, философское учение Розмини, его место и значение в истории развития итальянской философии. В этой истории Розмини принадлежит исключительное место — его философское наследство стало классическим и национальным достоянием итальянской мысли. Изучение Розмини и его теории знания, будучи само по себе делом глубоко интересным и важным, имеет для русской философской мысли особый интерес, так как можно найти глубокое интуитивное родство между некоторыми направлениями религиозно-философских течений в России и философией Розмини и его школы в Италии.

Проф. Л. М. Лопатин, признавая большую заслугу В. Ф. Эрна в деле изучения и ознакомления широкой публики с философским наследием Розмини, все же находит в диссертации крупные недостатки. Первым таким недостатком он считает отсутствие в диссертации общей и широкой исторической перспективы. В диссертации, по мнению Л. М. Лопатина, преувеличено то воздействие и значение, которое

имел на Розмини Джоберти, и не указано в должной степени влияние немецкой идеалистической философии. Кроме этого, в диссертации чувствуется отсутствие собственного, самостоятельного философского анализа. Все это заставляет пожелать, чтобы при дальнейшей работе В. Ф. Эрн над итальянской философией, работе весьма ценной и нужной, им были бы применены более широкие методы философского исследования и в должной мере сохранена широкая историческая перспектива.

Прив.-доц. А. П. Казанский в своей речи указывает на недостаточную разработку исторической части диссертации.

В. Ф. Эрн энергично возражал обоим оппонентам. При шумных аплодисментах переполненной аудитории В. Ф. Эрн признан достойным степени магистра философии.

(Утро России. М., 1915. 2 марта. № 60. С. 4)

10. [ИЗВЕЩЕНИЕ О КОНЧИНЕ В. Ф. ЭРНА]

Совет Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева извещает членов общества о кончине члена совета Общества приват-доцента Московского университета Владимира Францовича Эрн, последовавшей 29-го сего апреля, в 1 час дня.

(Московские вестн. 1917. 30 апреля (13 мая). № 96)

11. ПОХОРОНЫ В. Ф. ЭРНА

Вчера состоялись похороны скончавшегося 29-го апреля приват-доцента Московского университета В. Ф. Эрн. На заупокойном богослужении в церкви Знамения, на Зубовской площади, собрались отдать последний долг покойному вдова и близкие его, много друзей и почитателей его памяти, в том числе представители Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, членом совета которого В. Ф. состоял. На гроб возложены были венки от этого общества и некоторые другие. Погребение совершено на Дорогомилловском кладбище.

(Утро России. 1917. 2 мая. № 109)

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Время Христианского Братства борьбы

1. «ОСВОБОЖДЕНИЕ» ПУБЛИКУЕТ ДОКУМЕНТЫ «БРАТСТВА»

Верующие против самодержавия

Ниже мы печатаем, как документы, заявления, исходящие от Христианского братства борьбы, этой недавно основанной организации русских христианских социалистов-демократов. Документы эти имеют выдающееся симптоматическое значение для современного политического и социального брожения в России (поэтому мы их печатаем *in extenso*) и, кроме того, предвещают развитие в будущем таких идейных течений, которые до сих пор еще слабо давали себя знать на нашей родине. Ред.

1. О задачах Христианского братства борьбы

Христианское братство борьбы ставит целью активное проведение в жизнь начал вселенского христианства. Казалось бы, что тут особенного? Разве не каждый христианин ставит себе те же цели? В чем же особенность Братства? Почему оно считает это преимущественно своей задачей?

Дело все в том, что начала вселенского христианства не только не осуществлены, но даже просто не сознаны целиком во всем объеме историческим христианством. Историческое христианство во всех своих конкретных разветвлениях — от русского православия и римского католицизма до самых крайних сект протестантизма — восприняло и самым действенным образом ввело в сознание отдельных людей одну сторону евангельского учения: это учение о том, что «Царство Божие внутри вас есть». Царство Христово есть царство свободного единения, чистоты и света, и потому всякий, хотящий войти в него, должен прежде всего очиститься сам, должен скинуть с себя ветхого человека и облечься в нового, должен переродиться, извлечь и спасти свою душу из мира греха и злой жизни. Таким образом, личное перерождение, очищение своего индивидуального сознания и спасение своей души — вот центральная и единственная идея исторического христианства. Все остальное — дела любви, устроение своей личной жизни на христианских началах, доброе отношение к другим людям — все это историческим христианством рассматривается как простое и необходимое следствие из внутреннего перерождения.

Все это так. Все это правда от начала до конца; но это далеко не вся правда, возвещенная Христом. И кто ее выдает за всю правду и видит

в ней начало, середину и конец и учит так других — тот явно погрешает против слова Божия и жлет на полноту Христовой истины. Это делает теперешнее христианство. Оно забыло другую сторону евангельского учения, забыло, что Царство Божие не только факт внутренней жизни, переживаемый отдельным сознанием наедине с собой и с Богом, но и — о чем вещает чуть ли не каждая строчка Нового Завета — факт мировой, вселенский, царство Божие, неприметно войдя внутрь человека, его усилиями должно раскинуться на то, что вне его. Своим благодатным строем оно должно победить и преобразить всю злую природную жизнь, во всех ее проявлениях от сферы индивидуального сознания и человеческих отношений до космического зла, царящего в природе. Евангелие должно быть проповедано «всей твари». Христос заповедал апостолам: «идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. XVI: 15), ибо «вся тварь» совокупно «стенает и мучится донныне», обещая «откровения сынов Божьих» (Римл. VIII: 19—21). Историческое христианство забыло этот завет и, проповедуя, что то-то и то-то нужно для того, чтоб вступить в Царство Божие, совершенно угасило в себе всякие живые представления о том, что же такое это Царствие Божие. С этим вместе оно поддалось страшному уклону от Христа и безусловно истинную идею о необходимости для вступления в Царство Божие — прежде всего лично переродиться — исказило в ложную и антихристианскую идею «самоспасания», которая и пользуется самым широким распространением.

А между тем вопрос этот ясен. Сами собой принимают конкретную форму обязанности, вытекающие из этой стороны евангельского учения. Их много, очень много, и все они забыты историческим христианством. Мы будем говорить только об одном ряде таких обязанностей, сознание которых и определяет деятельность Братства.

Христос был Богочеловек. Он вочеловечился и принял плоть. Искушая ее своею пречистою кровью, он не отделился от нее, а остался в ней и с ней, потому что связан с ней «нераздельно и неслиянно», потому что пришел не упразднить ее, а освятить. Преобразивши ее на Фаворе и освободивши ее от рабства греху своими страданиями и от рабства смерти своим воскресением, Он положил начало «обожению плоти» (выражение св. Антония В.), которое закончится «новой землей, в ней же правда обитает» (2 Петр. III: 13). Этим он дал вечный образ поведения и указал путь, по которому должен идти каждый христианин. Каждое отдельное лицо, для того чтобы становилось возможным Царство Божие «внутри» него — должен побеждать в себе похоть плоти и облекать тело свое во Христа, приготавливая его к славе и нетлению. Но по основному учению Евангелия человек не может рассматриваться как самодовлеющий, не связанный с другими атом. Он только один из бесчисленных членов великого и единого целого, собирательного индивидуума Церкви. Эта Церковь, объективное Царство Божие, осуществляясь и водворяясь в душе всего человечества, должна победить похоть плоти уже не отдельного лица, а всего человечества и облечь тело, — уже тело не отдельного лица, а тело всего

человечества, — во Христа и сделать его невестой Христовой. Эта плоть и тело, не будучи телом и плотью отдельных лиц, является результатом взаимодействия последних, основанного на потребностях тела и плоти, а это и есть прежде всего отношения экономические, общественные и государственные. Значит, человечество, становящееся Церковью, для осуществления в себе Царства Божия должно бороться со своею похотью и побеждать свою плоть, т. е. животворить и проникать Духом Христовым отношения экономические, общественные и политические, да изобразится и в них Христос и да будет Бог вся во всем. Таким образом, из действительной веры во Христа — вочеловечившегося и пришедшего во плоти — с неизбежной внутренней последовательностью вытекает для каждого христианина обязанность принимать самое деятельное участие в общественной и политической жизни страны и здесь, в той самой области жизни, от которой с отшельническим ужасом отвергалось историческое христианство, действительно осуществлять вселенскую правду Богочеловечества. Это и является общей задачей Братства.

Конкретные условия настоящего тягостного времени расчленяют эту общую задачу и определяют ближайшие частные задачи, на которые со всей возможной силой и направится деятельность Братства.

1. Первой задачей Братства является борьба с самой ужасной язвой теперешней русской жизни — с самодержавием. Самодержавие на русском народном теле является бесконечно ужасным, злокачественным нарывом, который отравляет и парализует собой все отправления народной жизни. Ни о каких действительных улучшениях, ни о каком оздоровлении общественного организма не может быть речи раньше, чем не вскрыть этот нарыв. И потому борьба с самодержавием выдвигается в число первых по времени задач Братства, а) с одной стороны, Братство будет обличать перед всем народом, во всех классах общества религиозную неправду самодержавия. Признавать самодержавие, т. е. по определению закона ничем не ограниченную власть — является безусловно противоречащим прямым словам Евангелия о невозможности служить двум господам. Ничем не ограниченная власть может принадлежать только Богу, и если ее переносят на человека и заставляют признавать как таковую, то тут совершается страшный обман и страшное богохульство. Это богохульство является страшным не только с уединенно-религиозной точки зрения, а еще более с точки зрения его громадного отрицательного влияния на живую жизнь. Ибо только широко распространенный в народе и в массах городского населения предрассудок о том, что будто самодержавный строй освящается самим христианством, и поддерживает еще самодержавие, уже давно сгнившее внутри и дискредитированное в глазах всего русского общества; б) с другой стороны, примыкая к другим партиям, Братство будет бороться с самодержавием как с злой политической и общественной силой и работать на установление в России свободного конституционного режима. О том, как представляет себе последний Братство, будет сказано в особом издании, а тут можно только сказать

о самом принципе политической деятельности Братства; в) так как ни одна достигнутая политическая форма не может быть совершенной, то поэтому Братство ни на одной из них окончательно остановиться и успокоиться не может. Во имя безусловного идеала христианских отношений, открывающихся в Царствии Божиим, оно всегда будет взывать к новым лучшим политическим формам, более совершенным, дающим все больше и больше простора для проявления всех сил каждой отдельной личности; но взывать будет не общими рассуждениями о безусловном идеале, а выставлением в каждый данный момент конкретной программы новых и новых, требуемых жизнью политических реформ.

2. Второй задачей Братства является борьба с пассивным состоянием теперешней церкви: а) в силу причин, о которых будет сказано в другом месте, церковь, лишась своей самостоятельности и запутавшись в связях с государством, пошла на служение чуждым ей целям. Переставая быть благодатной силой, носящей всегда в себе образ абсолютного идеала, постоянно движущей жизнь вперед и зовущей все выше и выше, теперешняя церковь не только остается совсем в стороне от живой жизни, но даже, более того, решительно ее тормозит и задерживает. Совершая кощунство, она санкционирует собой и своей поддержкой самодержавный строй и, рабски унижаясь и явно отступая от Христа, она оправдывает и покрывает собой такие неслыханные от времен Грозного злодеяния, как события 9 января; б) кроме того, под опекой светской власти, воздвигнув себе из духовной цензуры человечески прочную ограду, за которую от жизни доносится только неясный гул, она духовно уснула, успокоившись на воззрениях и формулировках, выработанных десять столетий тому назад; жизнь развивается, временем ставятся новые задачи, мучительно требуется все новое и новое раскрытие христианства, а церковь, пребывая в неустанном молчании, пропускает всю совершающуюся жизнь мимо себя. Вот освободить церковь от опеки светской власти, снести все искусственные ограждения и заграждения, за которыми прячется теперешняя церковь от жизни, пробудить в ней спящие силы, поставить ее лицом к лицу, с глазу на глаз с страшно усложнившимися вопросами современности, — и будет стараться Братство; в) для этого необходима коренная реформа: восстановление истинно-церковной жизни. По учению Нового Завета, церковь лишь живой организм, в котором клир является только одним из членов наряду с другим — мирянами, из которых каждый облечен достоинством «царственного священства» (1 Петр. II: 9). Историческая церковь, проникаясь мирскими стихиями, забывала это и постепенно закрепощала церковный народ и вывела мирян из церковной ограды. И храмы опустели, и жизнь ушла из церкви. Для возрождения необходимо произвести раскрепощение, необходимо снова ввести мирян в храм; первой практической мерой является создание общинной жизни. Верующие, группируясь около храма, должны снова стать живой единицей. Весь распорядок должен перейти в их руки, и, прежде всего, они сами должны изби-

рать себе священнослужителя из тех, кому они верят и кого любят из своей же среды. Этим уничтожится оторванность клира; развившаяся и усложнившаяся жизнь через мирян будет ставить свои вопросы уже перед церковным сознанием, и церковь должна будет по-христиански отзываться на все явления жизни. Только так и может произойти раскрытие «правды» о земле, лежащей в самой сущности христианского учения. Поэтому Братство начнет работу за освобождение церковного народа.

3. Третьей задачей Братства является борьба против социального и имущественного неравенства, от которого живые человеческие души или изнемогают в непосильном физическом труде без проявления бесконечных духовных возможностей, вложенных Богом в каждую душу, или же просто гибнут от нищеты, голода и разврата. В основе этих явлений лежит безнравственное отношение к собственности. Эти отношения должны быть радикально изменены: а) в сфере индивидуально-личной жизни для каждого христианина необходимо полное высвобождение от уз частной собственности. Рост в красоту каждой отдельной личности, т. е. реализация внутреннего человека, возможен только в атмосфере абсолютной внутренней свободы. Для этой свободы нужно расстаться со всем, что связывает, — между прочим, отречься от частной собственности. Нормой должно быть то состояние апостольской церкви, когда «никто ничего из имения своего не называл своим» (Деян. IV: 32); б) в сфере общественной жизни, т. е. в отношениях между собой верующих и принадлежащих к Церкви, это внутреннее освобождение в силу принципа любви должно принять форму фактического отрешения от частной собственности и установления общины имуществ. И тут нормой должно быть состояние апостольской церкви, «когда все верующие были вместе и имели все общее» (Деян. II: 44); в) но эти принципы вполне разрешают социальный вопрос только для тех, кто действительно находится в Церкви и для кого евангельские заветы имеют обязательную силу. Поэтому в отношении тех, кто, не принадлежа к Церкви или служа мамоне больше, чем Богу, не хотят отказаться от частной собственности и, паразитически пользуясь ненормальностями капиталистического строя, безбожно эксплуатируют массы трудового люда и давят неимущих — Братство не удовлетворится одной пропагандой. Во имя оздоровления тела человечества и преуготовления его стать «женой облеченной в солнце» (Апок. XII: 1) Братство вместе с существующими рабочими партиями будет фактически обуздывать социальную и экономическую похоть, пользуясь уже испытанными и выработанными формами борьбы: стачками, забастовками и устройством союзов. Принимая эти старые средства (и только эти), Братство наполнит их новым содержанием и духом — духом грядущего в славе и силе Христа, и серую борьбу за экономические интересы превратит в теургическое делание и религиозный долг.

II. Епископам Русской церкви

Теперь заговорили о церковной реформе. Надеются на созыв поместного Собора. Газеты говорят об этом как о вопросе решенном. У всех верующих начинается подыматься радостная уверенность, что близится час освобождения Русской церкви от векового гнета, час наступления истинно церковной жизни, которой у нас не было, к позору нашему, целые столетия. Мы глубоко чувствуем всю ответственность и важность предстоящего устройства русской церковной жизни на канонических основаниях и потому думаем, что удачно реформа может быть проведена лишь в том случае, если она будет действительно отвечать на назревшие нужды и запросы, для этого необходимо, чтобы последние обозначились и стали для всех ясными. Нужды и запросы духовенства еще более или менее известны, но нужды и запросы мирян неизвестны почти совсем, потому что до сих пор в церковном бесправии своем миряне в церковной жизни не имеют никакого голоса. О запросах мирян, об их главных ожиданиях от Собора, мы и хотим сказать в этом послании. Мы просим внимательно выслушать нас и смотреть только на существо дела:

1. Прежде всего, мы просим освободить нашу религиозную совесть от страшного соблазна. В чем этот соблазн, видно из нижеследующего.

По определению закона самодержавная власть неограниченна. «Император Всероссийский есть Монарх самодержавный и неограниченный». Это — выражение закона, и значит, смысл его обязателен для всякого подданного Российской империи. И значит, когда в самые торжественные минуты богослужения нас приглашают молиться за самодержавного царя — мы должны молиться за него как за неограниченного монарха. А между тем мы не только не можем молиться за неограниченного монарха, но решительно не можем просто его признавать, ибо такое признание есть явное отступничество от Христа и продажа своей христианской свободы. Почему — это видно из дальнейшего — это значит признавать, что он может делать с признающим так все, что захочет (ибо власть его неограниченна), может приказывать ему все, что хочет, и он должен повиноваться всякому приказанию, каково бы оно ни было, согласно обещанию, ибо обещание дано было по совести. Значит, если царь прикажет поклониться идолу или совершить богохульство, то и тут признающий царя своим неограниченным государем должен будет повиноваться согласно обещанию. Вот яркая иллюстрация: дословный разговор с офицерами после событий 9-го января.

— И вы могли стрелять, зная, что рабочие ни в чем не виноваты?

Офиц. Мы не могли не стрелять, потому что дали присягу исполнять всякое приказание государя.

— Всякое?

Офиц. Да.

— И если бы царь приказал расстрелять какого-нибудь святого, положим Серафима Саровского (ведь приказал же самодержавный

царь Иоанн Грозный задушить святого митрополита Филиппа) и вы бы заведомо знали, что это — святой, вы бы все же расстреляли?

Офиц. Да, расстреляли бы. Мы не можем не повиноваться.

— И даже если бы случилось так, что между нами появился Христос и государь приказал бы вам его расстрелять и вы бы знали, что это Христос, что бы вы сделали?

Офицеры смутились, подумали немного, но потом один за другим ответили:

«Да, стреляли бы: мы обещали государю, мы уж несвободны».

«Мы уж несвободны»... В этом все и дело. Ибо признание царя самодержавным равносильно утрате всякой свободы. Признавшей царя своим неограниченным государем тем самым окончательно теряет способность служить Христу, ибо такое признание заключает в себе потенциальное утверждение, что в случае возникновения дилеммы царь или Христос, — нужно стоять за царя, а не за Христа. Признавши царя неограниченным государем навсегда и окончательно выбирает себе господина: но, выбрав в действительности одного господина, он уж теряет свободу и возможность служить всякому другому, т. е. не может служить и Христу. Ибо сказано Христом: «Никто не может служить двум господам» (Мф. 6:24).

Таким образом, каждый акт согласия на признание неограниченной царской власти равносильно утверждению в далеких логических следствиях отпадения от Христа, т. е. признание самодержавия есть скрытое (а для тех, кто сознает это, и явное) отступление от Христа, и значит, с христианством такое признание абсолютно несоединимо и религиозною совестью неприемлемо.

На это могут сказать, что самая дилемма: царь или Христос — невозможна. Ибо царь, по вере церковной и народной, является помазанником Божиим и исполнителем не своей воли, а воли самого Бога. Но те, кто так утверждают, пусть зададут себе по совести такой вопрос: тем, что царь помазанник Божий, отнимается ли у него возможность и отпасть от Христа? Если не отнимается, то сказанное выше сохраняет всю свою силу. Если же отнимается, если признается, что царь не только благочестив, но и выше возможности погрешит, т. е. выше всякого греха, тогда получается нечто уже совсем неподобающее. Вся условность человеческого существа снимается с царя, он становится безусловным — Абсолютом — человекобогом, богом. Остается воздвигать ему алтари и кадить фимиамом, воздавая божеские почести, как это делали в древнем языческом Риме. А в Писании сказано: «Да не будут тебе бозии инии разве Мене». Наша церковь считает за ересь папизм, но тут больше папизма, — тут языческий необузданный цезаропапизм, открытое поклонение «гению» императора, забвение святой крови всех мучеников первых времен христианства, и больше того: тут уже совершается поклонение еще не пришедшему Зверю, ибо в самом принципе самодержавия лежит возможность Антихриста. Это понято народным религиозным сознанием. Изучаю-

щие раскол знают, как много места в нем занимает ужас пред антихристианским наклоном самодержавной власти.

Сказанного было бы довольно. Но некоторые свою явно антихристианскую приверженность к самодержавию хотят оправдать мнимодоказательными ссылками на произвольно выхваченные отдельные места из Св. Писания. Взявшись нечистыми руками, можно и снег замарать и создать иллюзию, что снег действительно грязен. Поэтому нужно разобрать «библейские» основания культа самодержавной власти. Часто приводя слова ап. Петра: «Будьте покорны всякому человеческому начальству для Господа: Царю ли, как верховной власти, правителям от него поставленным, для наказания преступников и для поощрения делающих добро» (I Петр. 2:13—14). Из этого заключают: раз ап. Петр заповедует покорность всякому человеческому начальству — то значит, и покорность самодержавному царю. Сколько лжи и отступничества в таком формально правильном заключении, видно из следующего.

Когда тому же самому ап. Петру «начальники», «старейшины», книжники, первосвященники и прочие из рода первосвященнического» (Деян. 4:5—6) приказали «не учить об имени Иисуса» — что сделал ап. Петр? Повиновался ли во исполнение своих же слов: «будьте покорны всякому человеческому начальству?» — Конечно, нет. Вместе с ап. Иоанном «столпом Церкви» он сказал: «судите, справедливо ли перед Богом слушать вас более, нежели Бога», и отказался повиноваться. В другой раз на второе запрещение Петр вместе с другими апостолами (значит, это голос всех апостолов) сказал еще яснее и резче: «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян. 5:29).

Значит, ап. Петр учит нас быть покорными человеческому начальству не всегда и не безусловно, а только тогда, когда приказания этого начальства не противоречат нашей совести, и больше того: своею жизнью ап. Петр учит нас быть покорными и открыто не повиноваться человеческому начальству, когда оно запрещает делать то, что мы считаем нашим религиозным долгом. И значит, у ап. Петра мы можем найти не защиту самодержавия, а совершенно ясный завет открыто заявить и исповедать религиозную неправду самодержавия и отказаться его признавать.

Но если словами ап. Петра злоупотреблять невозможно ввиду ясных других его слов, то, быть может, хоть с видимостью правдоподобия можно недобросовестно использовать следующие слова ап. Павла: «Всяка душа властем предержажим да повинуется. Несть бо власть аще не от Бога»... (Рим. 13:1—2). К счастью, и этого сделать нельзя ввиду одного несомненного и бесспорного факта: как признает Церковь, ап. Павел, говоря словами мужа апостольского Клементя римского, «мученически засвидетельствовал истину пред правителями» (Посл. Клим. к Кор. 5 гл.), т. е. вместе с другими мучениками погиб за то, что отказался воздать императорской власти божеское поклонение. Этот факт прежде всего значит, что тот же самый апостол, который говорил: «несть бо власть аще не от Бога», не только не считал

возможным исполнять всякое приказание этой, по его же словам, Богом установленной власти, но даже открыто не повиновался ей и не слушал известных ее приказаний, за что и поплатился мученичеством. Этим ап. Павел учит, что из того, что власть установлена Богом, вовсе нельзя заключать, что она не имеет пределов, является неограниченной и может приказывать все, что угодно. Фактом своего мученичества апостол указывает, что императорскую власть в качестве неограниченной, т. е. посягающей на то, что ей не принадлежит, он не признавал. А если мы скажем, что в этом непризнании, т. е. в мученичестве, он, Богом вдохновленный святой апостол, поступал не по случайным соображениям, а действовал, как он считал должным действовать, то, значит, в его непризнании неограниченной императорской власти лежит прямой завет всем верующим — так же, как и он, ее не признавать и открыто заявлять о своем непризнании. Если же мы вспомним, что в этом непризнании ап. Павел был не одинок, а с ним вместе не признавали целые тысячи святых мучеников и запечатлели свое непризнание мученической кровью, то получится, что вся эта святая кровь ставит нам тот же завет, что и святые апостолы:

Во имя Христа отказаться от признания нашей теперешней неограниченной царской власти — самодержавия.

После этих разъяснений, за неимением места, мы не будем останавливаться на других «библейских» основаниях языческого культа самодержавной власти и переходим к выводам.

По указанным соображениям, самодержавие абсолютно неприемлемо христианскою совестью. Сознательное признание его равносильно отступничеству от Христа, и потому Русская церковь, не искушая более долготерпения Божия, должна первым своим сознательным и воистину церковным, т. е. Христовым действием сделать исповедание «истины пред правителями», т. е., другими словами, — на предстоящем Соборе необходимо именно Церкви потребовать от царя отказа от самодержавия. И сделать это исключительно во имя религиозных соображений. Этим мы вовсе не говорим, что Церковь не должна была и не должна теперь бороться с самодержавием как со злой политической и общественной силой. Но только делать это она должна не чрез духовенство, а чрез мирян. Ибо «каждый должен служить сообразно с тем даром, который получил от Бога». На церковном Соборе, созванном для устройства Церкви, мотивировка может быть только религиозная. Итак, вот чего мы ждем от Собора прежде всего. Только совершив это, Собор получит действительную свободу, без которой совершенно немислима созидательная работа по устройству Церкви на канонических основаниях.

2. Теперь перейдем к тому, какую реформу Церкви мы считаем безусловно необходимой. Безусловно необходимо то, что сказано и заповедано в Евангелии, и потому обратимся прежде всего к Евангелию.

Что такое Церковь по Евангелию? Церковь, прежде всего, есть тело Христово — живой организм, отдельными членами которого являются верующие. «Вы — тело Христово, а порознь — члены» (1 Кор.

12:17). Но составляя, как и всякое тело, однообразную, бесформенную массу, Церковь носит в себе живые расчленения. «Тело же не из одного члена, по из многих» (1 Кор. 12:14). Эти разные члены по самому существу своему несводимы друг на друга и один другой заменить не могут. Если один захочет вырасти насчет других, их себе покорить и подчинить, то это незаконно, ибо тогда вместо многообразно расчлененного тела получился бы один член, и тело как такое исчезло. «Если бы все были один член, — спрашивает апостол, — то где было бы тело?» «Если все тело — глаз, то где слух, если все — слух, то где обоняние?» (1 Кор. 12:17—19). Значит, нормальная жизнь организма Церкви возможна только тогда, когда каждый член функционирует по своему, развивает специфическую, ему присущую энергию и, значит, ставит препятствия этому функционированию, стесняет его и совсем запрещать — является совершенно невозможным со стороны одного члена по отношению к другому. «Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна, или также голова ногам: вы мне не нужны» (1 Кор. 12:21—25). Что же это за расчленения в теле Христовом — Церкви, говоря конкретно? Тот же апостол языков разъясняет это вполне: «Вы тело Христово, — говорит он коринфской общине, — и порознь — члены. И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями, далее, иным дал силы чудодейственные, также дары целений, вспоможения, управления, разные языки» (1 Кор. 12:27, 28; Римл. 12:5—8). Если мы вспомним, что пророчествовали, чудодействовали, учили, целили и говорили разными языками не особо поставленные апостолом люди, а все верующие (ярким доказательством этого служить вся 14-я глава 1-го послания к Коринфянам), т. е. миряне, то тогда становится совершенно ясным, что наряду с апостолами, т. е. священнослужителями и совершителями таинства, особым самостоятельным расчленением Церкви по апостолу являются миряне. Каждый из мирян является «живым храмом Бога» (1 Кор. 3:16), «согражданином святым и своим Богу» (Еф. 2:19), «живым камнем строящейся Церкви, обладателем святого звания», «царственного священства» (1 Петр. 2:5, 9; Апок. 1:6) во исполнение древних пророчеств: «Вы будете у Меня царством священников и народом святым» (Исх. 29:6; Ис. 61:6).

При таком внутреннем соотношении между главными расчленениями Церкви — священнослужителями и мирянами, и во внешней церковной жизни миряне необходимо должны быть не пассивными зрителями, а активными участниками. Так и было в Апостольской Церкви, потому что Апостольская Церковь была живым явлением Церкви Вселенской. Когда в иерусалимской общине жизнь выдвинула потребность в новой должности «диаконах», которые бы «пеклись о столах», — что сделали апостолы? Поставили ли они этих диаконов без согласия верующих? Ничего подобного. Они собрали собрание «множества» верующих и, объяснив им, почему явилась нужда в новой должности, сказали: «итак, братия, выберите из среды своей семь человек». Собрание верующих согласилось на это, как говорится в Дея-

ниях, «и угодно было это предложение всему собранию». Приступили к выборам, избрали семь человек и, избравши, «поставили пред апостолами, и сии, помолившись, возложили на них руки». Таким образом, в избрании священнослужителей проявилось в Апостольской Церкви органическое единство и взаимная обусловленность двух главных расчленений Церкви — священнослужителей и мирян, обусловленность, необходимо вытекающая из самого существа Церкви, о котором сказано выше. Миряне — церковный народ свободно и самостоятельно выбирают из своей среды доверенных людей, — апостолы рукополагают их и сообщают дары. Такое же органическое единство проявилось и в так называемом Апостольском Соборе, когда «апостолы и пресвитеры со всею церковью рассудили» (Деян. 15: 22) поднявшиеся вопросы. Вот что говорится и заповедуется о существе церковной жизни в Евангелии.

Но Церковь историческая постепенно забыла эти заветы, по примеру светских властителей стала закрепощать церковный народ, лишая его церковных прав и выводить из церковной ограды. Это длинная и печальная история, которой касаться мы здесь не можем. Но результаты ее налицо: церковного народа в настоящее время не существует, живой Церкви — нет, или по крайней мере она не совпадает с тем, что принято называть Церковью. Это положение ввиду усложнения жизни, ввиду надвигающейся исторической грозы — становится совершенно невозможным. Часть духовенства это почувствовала и заговорила о реформе. Но если в духовенстве после столь долгого и позорного молчания воистину заговорил и ожил Дух Христов, то ограничиться и серьезно удовлетвориться теми полумерами и «заплаточками», которые предлагаются в печати духовенством, — конечно, совершенно немыслимо. В деле церковного строительства мирские соображения являются совершенно неуместными, а пренебрежение «главою угла» — Христом и Его Евангелием — есть отступничество и коллективное повторение отречения Петра. У Церкви только один путь жизни: это Христос и Его Евангелие, все остальное — от лукавого и есть путь смерти.

То, что заповедано в Евангелии, для Церкви Христовой должно быть безусловной нормой, лежащей в основе церковной жизни, канон, определяющим существенные черты ее устройства. Конечно, Церковь как живая носительница Духа Святого, развиваясь и возрастая в меру возраста Христова, может и должна создавать новые нормы. Но эти нормы никак не могут противоречить тем безусловным и отменять их, а могут только дополнять, только находить конкретные применения их вечной сущности и живого Духа в зависимости от многообразия жизненных условий. Поэтому как бы ни была богата церковная практика за все время ее исторического существования — уклад и правила церковной жизни, выработанные ею, для нас обязательны лишь в том случае, если они дополняют и разъясняют нормы и каноны, данные Евангелием, и ни в коем случае, если они им противоречат. И значит, если духовенство возревновало действительно о Церкви, а не о своем положении, которое станет вконец незавидным

при установлении в России свободного режима, то, не смущаясь фактическим укладом обмирщенной и поработанной государством Церкви, — необходимо вернуться ко Христу и Его Евангелию. Как смотрит Евангелие на существо Церкви и церковной жизни — мы сказали выше; теперь перейдем к тому, что же именно нужно сделать, чтобы построить нашу церковную жизнь на действительно канонических, т. е. евангельских, основаниях.

а) Прежде всего необходимо раскрепостить церковный народ, вернуть ему свободу церковной самостоятельности и церковного самоуправления. Это может быть достигнуто только путем восстановления истинно приходской жизни. Приход должен стать живой единицей, живущей полной церковной жизнью и органически объединяющей в себе духовенство и мирян. Для создания этого единения необходимо, чтобы священнослужитель не являлся в приход бог весть откуда, чужим, никому неизвестным лицом, назначенным канцелярским путем из далекого Петербурга, а был бы по доверию избираем самою паствою. Верующие, группируясь около храма, должны получить право сами, на месте и из своей же среды выбирать себе в священнослужители тех лиц, которых они знают, любят и считают наиболее подходящими и которым они действительно могут вверить по свободному расположению столь важную и ответственную должность. Выбранные прихожанами лица, подготовившись к служению в течение известного времени, рукополагаются епископом и возвращаются в свой приход. Выбранные этим путем приходские священники, принадлежащие к одной епархии, съезжаются вместе и избирают архиерея из своей среды (т. е., значит, архиерей может быть женатым, что не только противоречит, но даже требуется церковными канонами) или из монашества. Архиереи всех епархий Русской Церкви, съезжаясь вместе, выбирают опять из своей среды или из монашества патриарха. Только таким путем выбранный патриарх будет действительно связан со всей Церковью и явится истинным представителем и руководителем ее в делах общецерковного характера, т. е. междуприходских и между-епархиальных, с одной стороны, и в отношениях к государству, с другой. Учреждать же патриаршество, не обновив и не построив на евангельских началах самых низов и оснований церковного управления, является простым закреплением того позора, который совершается в Русской Церкви теперь, но так как это закрепление будет сознательным действием, то, значит, это будет и новым, уже перед всеми открытым заявлением, что для Русской Церкви господин — не Христос, а кто-то иной. (Детально разработанный план церковного переустройства на канонических основаниях мы представим в свое время.)

б) Материальная сторона приходской жизни переходит в руки прихода. Все дела, связанные с доходами и расходами по храму, ведутся особо выбранными всем приходом лицами. Обязательность платы за требы уничтожается безусловно и взимание добровольной платы производится не священнослужителями, а теми же доверенными лицами. Этим прекращается невозможная в Церкви торговля и барышни-

чество — особенно сильное в деревне, — которое превращает служителей слова и совершителей таинств в откупщиков, что имеет результатом почти повсеместное, или враждебное, или пренебрежительное отношение к духовенству. Кроме того, постепенно верующие должны взять на себя не только заведывание обеспечением текущей приходской жизни, но и содержание самих священнослужителей, так чтобы священнослужители содержались не на счет государства, а на счет самого же прихода. Этим подготовится важный и крупный шаг, который рано или поздно все равно придется сделать, это — отделение Церкви от государства, мера, которая должна быть страстно желаемой искренно верующими. Только необходимо, чтобы отделение это было совершено не по предложению государства, как это теперь во Франции, а по почину самой же Церкви. Церковь не должна ждать, пока ее отделят насильно, по мирским соображениям, оставив ее без содержания, а должна отделиться сама, во имя Христовой свободы.

в) Когда приход станет живой единицей, а священнослужители выборными и доверенными людьми, тогда сразу станет возможным уничтожить коренные недостатки теперешней Церкви. С одной стороны, в приходе верующие перестанут быть друг другу чуждыми людьми, случайно встречающимися на богослужении и совершенно не знающими друг друга. Храм станет центром, вокруг которого будут формироваться новые отношения и связи. Верующие станут друг к другу сторонами теперь нераскрытыми; из этого соприкосновения сначала затеплятся, а потом и ярко разгорится жизнь, которая будет интимнее и глубже, чем самая высокая индивидуально-уединенная жизнь, и в то же время более любовная и более проникнутая единением, чем самая высокая семейная жизнь. Из отдельных посетителей храма — прихожан — верующие станут единой общиной, живущей коллективной жизнью. Индивидуальные действия и поступки, сплавляясь и очищаясь соборными переживаниями, превратятся в религиозное делание. Одним словом, зародится общинная жизнь. Тогда сам собой устранился среди верующих современный камень преткновения — социальный вопрос. В каждом приходе все бедняки, калеки, старики, сироты и все нуждающиеся станут общей тяготой и общей заботой. Горькое станет сладким и трудное легким и, помогая им, будут радоваться, что могут излить любовь и восполнить от своего избытка их недостаток. И тогда можно будет сказать словами Деяний апостольских: у множества верующих будет одно сердце и одна душа, и никто из имени своего не будет называть своим, но все у них будет общее; и не будет больше среди них нуждающихся, ибо всем будет уделяться, смотря по нужде каждого. Установится полное общение мыслей, переживаний и имуществ, как было в Апостольской Церкви; только тогда это было потому, что близко было время, когда сам Господь приходил и обитал среди людей, а теперь потому, что близко уже время, когда мы увидим лицо Пресвятой Матери нашей Церкви, и близко время, когда Господь придет в силе и славе судить живых и мертвых. Для общения имуществ и правильного распределения по

нуждающимся необходимо, чтобы в Церкви возродилась благодать диаконовства. А так как женщинам свойственна особая мудрость к устройению имущественных отношений, то необходимо возродить в Церкви Апостольский институт диаконов.

г) Народ мистически связан с землей. И потому духовенство, оторвавшись от церковного народа, постепенно перестало по-Божьему понимать все земное. Монашество, бывшее когда-то сильнодействующим средством, — когда было принято в большой дозе — и проникло во все стороны церковной жизни, как и всякое лекарство, принятое в большой дозе, стало действовать разрушающим образом и превращаться в яд, отравляющий Церковь. Оно окончательно угасило идею царственного священства мирян и окончательно лишило Церковь зрения на землю. Церковь, будучи высшей руководительницей в индивидуальной жизни, во всем остальном, в общественных и политических отношениях, была и есть беспомощно слепа. От этой слепоты и зависит длинный исторический ряд позорных соучастий представителей Церкви в общественных и политических, малых и крупных злодеяниях, соучастий, из которых последним и всем памятным было послание Синода по поводу событий 9 января и преступное молчание всего духовенства. А между тем возрождение церковного народа, связанное с восстановлением истинно приходской жизни, исцелит Церковь от этой слепоты: земля опять попадет в поле ее зрения, и восстановится к ней истинное и должное отношение. Вся история и культура, все вопросы, которыми мучилось человечество прошлого и которыми болеет человечество современное, через мирян будут ставиться не перед отдельным сознанием отдельных более или менее высоких христиан, а перед соборным сознанием Церкви. Церковь как такая должна пережить все, чем жили отдельные люди, и ответить на все соборно, как истинное тело Христово, носящее в себе ум Христов. Этот ответ будет для людей новым откровением, потому что полноты Христовой истины мы не имеем в себе — не только в жизни, но и даже в сознании. Кроме того, начнется общественное служение Церкви, т. е. действительное утверждение Христовой правды в чуждых ей политических, общественных и экономических стихиях. Верующие миряне, утверждаясь в общинной жизни и прикасаясь в ней к идеалу истинно-христианских отношений, понесут свой опыт ко всем стоящим вне общины и не верующим и будут стараться всеми силами установить среди них справедливые отношения, помогая слабым против сильных, уничтожая безбожную эксплуатацию капиталом труда.

Итак, наши чаяния от будущего Собора сводятся к следующему:

1. Собор во имя Христово откажется признавать царя самодержавным и потребует от царя, как от одного из верующих, отказа от самодержавия;
2. Собор восстановит истинно-каноническую жизнь в Церкви созданием живой церковной единицы — прихода, ведающего весь свой внутренний распорядок и избрание священнослужителей, и

3. На Соборе в качестве равноправных с духовенством членов будут допущены миряне.

Последний пункт мы считаем очень важным и потому скажем о нем в следующем обращении к епископам отдельно.

Христианское братство борьбы

III. Воззвание к военным

Братья христиане!

Страшный и тяжелый грех на вашей душе. По приказанию безбожной светской власти усмиряете вы «бунтовщиков», убиваете и мучаете их. Самое же ужасное то, что, убивая своих братьев христиан, вы не приносите покаяния, думаете, что поступаете хорошо. Это не наше дело, — говорите вы, — начальство велит, оно и ответит перед Богом, а мы обязаны слушаться. Не так говорили апостолы и святые мученики христианские, когда начальство заставляло их отречься от Христа и кланяться идолам. Не говорили они тогда: поклонимся, отречемся, — а там пускай начальство отвечает.

Господь Иисус велел любить друг друга, велел молиться за врагов, как сам Он молился на кресте за распинавших Его. А вы теперь убиваете не только врагов своих на войне, но и друзей своих, и крестьян в городах и деревнях. Вам говорят — они бунтовщики, сами виноваты, — заставляют стрелять и бить их. Но разве уж так виноваты голодные крестьяне, когда они берут хлеб у помещиков, проживающих в городе десятки тысяч рублей в год, или рабочие, не знающие отдыха, измученные от работы, когда они просят прибавки жалованья и сокращения рабочего времени. Почти все вы сами крестьяне, сами знаете, как тяжело жить и в деревне, и на фабрике, как и рад бы не бунтовать, да велит нужда. А если они и виноваты, то разве есть такая вина, за которую можно убивать людей? Вспомните, как воины хотели взять Иисуса Христа в Гефсиманском саду. Неужели эти воины были меньше виноваты, чем несчастные рабочие, просящие кусок хлеба? И вот когда апостол Петр выхватил меч, чтобы зарубить нечестивых воинов, Господь сказал: «возврати меч твой в его место, ибо все взявшие меч мечом погибнут».

Начальство приказывает, — говорите вы, а Господь велел слушаться начальства. Да, велел. «Всяка душа властем предержащим да повируется», — сказал апостол. Но нигде не сказал он, что начальство нужно слушаться во всем, но до тех пор, покуда это начальство не требует от вас противного воле Божией. Апостол знал, что такие случаи будут, и сказал верующим, — если потребуют от вас, противное вашей совести и закону Иисуса Христа, отвечайте: аще праведно есть пред Богом, т. е. разве хорошо слушаться начальства, если оно требует безбожного дела. А разве убивать, хотя бы и бунтовщиков, не безбожное дело? Кто выше, Бог или царь со своими слугами? Один у нас Господь и Царь Иисус Христос. И потому если царь и слуги его велят делать то, что не велел Господь, вы должны слушать Господа,

ибо нельзя служить двум господам. Подумайте только. Вдруг на землю пришел бы Христос, стал бы учить, начальству не понравилось бы, и оно приказало вам расстрелять Его. Кого бы послушали вы? Неужели царя земного, а не Царя Небесного. Но ведь Христос приходит на землю и теперь в виде голодных и обиженных людей. Вы не помогаете им, вы стреляете в них, — вы стреляете в Христа. Вы отрекаетесь от Него. И Господь оттолкнет вас и скажет: «так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне». Страшный, великий грех убивать людей, — виноваты они или невиновны, все равно. Никто не имеет власти кроме Бога лишать человека жизни; Царь ослеп от своей власти и встал на Царя Небесного. Он велит нам нарушать святую заповедь — не убий, и велит убивать христиан. Вы не должны делать этого, не должны слушать начальников, если они требуют безбожного дела, не должны помогать царю отступнику, должны служить одному Царю и Господину Иисусу Христу.

Вас будут безбожные слуги царские мучить и убивать, — но блаженны те, кто примет страдания за Христа и за правду Его; «блаженны вы, когда будут поносить вас, гнать и всячески неправильно злословить за Меня; радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах, так гнали и пророков, бывших прежде вас». Без ропота умираете вы на войне за царя земного, неужели вы побоитесь умереть за Царя Небесного и под угрозами казней станете убивать своих братьев. Нет, еще крепка в нас Христова вера. Не побоитесь вы мучителей и безбоязненно, по примеру великих служителей Христовых, смело скажете царским слугам, когда они будут заставлять вас стрелять в беззащитных бунтовщиков: Господь не велит, не пойдем, — ибо все взявшие меч мечом погибнут.

Христианское братство борьбы

(Эти материалы были опубликованы в газете

«Освобождение» № 73 от 19 июля (6 июля) 1905 г. С. 386—391.)

2. В. П. Свенцицкий

ОТКРЫТОЕ ОБРАЩЕНИЕ ВЕРУЮЩЕГО К ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Я не могу молчать. Но пойти на улицу, на площадь, к верующим и любящим людям — это значит услышать их человеческое мнение, излить душу свою перед их человеческим сердцем, узнать их человеческий ответ. Мне нужно не то. Я жажду голоса Церкви, я исстрадался, не слыша его. И я слабый в своем одиночестве, — ибо все мы без Церкви одиноки, — но, веруя и исповедуя невидимую святую, соборную и апостольскую Церковь, — теперь решаюсь воззвать к ее голосу.

Я знаю, что для многих смешно будет мое обращение. «Церкви нет», — скажут они. Для многих оно будет безумной дерзостью: «кто

он, чтобы спрашивать Церковь?» Но первым напомню слова Спасителя: «Созиджу Церковь Мою, и врата Адовы не одолеют ей». Я верю, что Церковь есть, я верю, что она пребывает хотя невидимо для глаз; я верю, что сила Антихриста не победила и не победит ее; я верю, — грядет час, и она, подобно жене, облеченной в солнце, откроет себя миру во всей своей славе, во всей своей силе, во всей своей красоте.

Вторым скажу так: «Если вы веруете во Христа, и Церковь для вас не мертвый звук, а живое тело Его, если вы не на словах, а всем существом своим поняли, что весь смысл жизни в том, чтобы облечься во Христа и облечь в Него мир, чтобы каждое дыхание ваше свершилось во имя Его — “да будет Бог вся во всем”, то вы должны понять человека, который долее не хочет сносить рабских цепей условности и компромиссов, не хочет долее прятаться под безбожную маску, называя ее смирением, — и во имя Христово, вслух всей Церкви, хочет заявить о своих наболевших думах.

За одну декабрьскую неделю Москва пережила ужасы, каких она не переживала, может быть, за всю свою многовековую историю. Небо пылало багровым заревом; ревели пушки; город стонал от ружейной пальбы; снег пропитался человеческой кровью: в безумной жестокости люди расстреливали друг друга; убивали детей, стариков и женщин. Свершался великий грех. И в этом великом грехе самое страшное было не то, что делалось, а то, во имя чего делалось.

Один солдат на мольбу опомниться, не убивать людей, сказал: «Если велит начальство, отца родного убью, — я принял присягу». Вот в этих словах весь ужас совершавшихся событий: кровь лилась во исполнение клятвы Господу.

Моя христианская совесть не может примириться с этим. Клясться именем Христовым убить отца, если прикажет начальство, это больше, чем отречение от Христа, больше, чем терновый венец и распятие на кресте! Такого кощунства, такого издевательства над Спасителем не мог бы придумать и Иуда.

Я умоляю Церковь объяснить мне, спасти меня от этого кошмара, рассеять сомнения и, если я неправ, призвать меня к покаянию!.. Я знаю, что скажут мне официальные представители Церкви. «Всякая душа властем предержащим да повинуется, несть бо власть аще не от Бога». Бог велел слушаться начальства! Да, велел. Но разве Апостолы, когда им запретили учить от имени Иисуса, не сказали этим властям от Бога: «аще праведно есть пред Богом вас послушати паче нежели Бога»? Разве почти все апостолы не погибли за непослушание властям? Значит, есть же границы этому послушанию! И не в том ли эти границы, чтобы заповеди Божии ставить выше требований человеческих и исполнять требования властей только до тех пор, пока они не идут вразрез с заветами Христа. Ибо всякий, идущий против Христа, — Антихрист. Так ужели христиане должны слушаться Антихриста? Это ложь. Это хула на Духа Святого. И я утверждаю: Бог не принимает клятвы в подтверждение готовности свершить злодеяние! Принявших такую клятву Церковь должна немедленно освободить от

присяги и тем смыть всю ту кровь, которая пролилась именем Христовым на святой Животворящий Крест.

Но этого мало.

Официальные представители Церкви учат, что насилие недопустимо, что насилие преступно, с чьей бы стороны оно ни исходило, во имя каких бы целей оно ни совершалось. Обсуждая правду и ложь освободительного движения, они определенно и резко осуждают тактику крайних партий. Они говорят: христианство не может благословить насилия, а тем более убийства. Но если так, если христианство не может оправдать убийства, с чьей бы стороны оно ни совершалось, то Церковь должна с такой же прямоотой и определенностью, с какой она обращается к революционерам, сказать: безбожное дело совершают и солдаты, убивая борцов за свободу.

Почему в отношении крайних партий такая определенность, такая прямоота, а в отношении властей предержащих такое преступное молчанье?

Ведь крайние партии и не считают себя принадлежащими к Церкви. Предписания и требования Церкви не доходят до них. Но не больше ли обязанности у Церкви в отношении тех, кто составляет ее стадо. Почему же Церковь обличает тех, кто открыто объявляет себя атеистом, и рабски безмолвствует в отношении своих чад, когда они делают то же самое? Если власти предержащая и солдаты совершают то, что, по глубочайшему убеждению Церкви, христиане делать не должны, — не прямая ли обязанность прежде всего обратиться именно к ним, потому что они считают себя в лоне Церкви. Не говорите: бунтовщики начинают первые, а потому на них больше вины. Воины первые схватили Христа, Петр только хотел защищаться, и Христос ему велел вложить в ножны меч.

Церковь должна властно и дерзновенно возвысить свой голос и призвать сынов своих к покаянию. Я считаю, что Церковь обязана немедленно же наложить покаяние на генерал-губернатора Дубасова как одного из верующих, который был главным руководителем совершаемых злодейств, а равно на всех тех, проливавших кровь, кто именует себя христианами. Если же покаяние они отвергнут — отлучить от Церкви.

Но Церковь, тело Христово, не может ограничиться этим. Грех одного — несчастье всех. Возлагая покаяние на одного, нужно призвать к молитве всех. А потому на всю Православную Церковь должен быть наложен пост в знак глубокой печали о великих грехах, содеянных ее членами, и в усиление молитв о ниспослании прощения и очищения.

У нас, при полном отсутствии приходской жизни, при совершенном беспорядке мирян, при самом кощунственном попрании соборного начала Церкви, — я не знаю другого способа вслух обращаться к Церкви, кроме печатного слова. Пусть все, кто сочувствует моему «Обращению», перепечатают его в своих изданиях. Пусть все верующие, братья и сестры мои во Христе, обсудят его между собой, — и тогда я, — не знаю, как именно, — но получу то, о чем прошу. Я верю, что

если мое «Обращение» действительно дойдет до Церкви, действительно дойдет до собрания верующих, то я услышу и церковный голос. Аминь.

Редакция «Полярной звезды» снабдила эту публикацию следующим примечанием: Не разделяя церковных убеждений, мы охотно даем на страницах нашего журнала место искреннему голосу верующего православного, потрясенного неслыханными событиями недавних дней. В этом голосе нами чувствуется истинная и глубокая религиозность, которую всякий человек, каковы бы ни были его убеждения, должен уважать. — Ред.

(«Обращение» В. П. Свенцицкого было опубликовано в двухнедельном журнале «Полярная звезда» № 8 от 3 февраля 1906 г., с. 561—564.)

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Когда время славянофильствует

1. ВОЗЗВАНИЕ К ЦИВИЛИЗОВАННОМУ МИРУ 93 ГЕРМАНСКИХ ПРОФЕССОРОВ

Как представители науки и искусства в Германии мы протестуем перед цивилизованным миром против лжи и клевет, которыми наши враги пытаются запятнать честь Германии в ее тяжелой борьбе за существование — в борьбе, которую ей навязали.

Когда железная речь событий доказала, как далеки от правды мнимые германские поражения, были пущены в ход клевета и систематические искажения. Как глашатаи истины мы поднимаем свой голос против них.

Неправда, что Германия виновна в возбуждении войны. Ни народ, ни правительство, ни император не желали войны. Германия сделала все, чтобы помешать ей; весь мир может судить об этом на основании неопровержимых доказательств. В продолжение 26 лет своего царствования Вильгельм II всегда выступал в защиту мира, и это всегда признавалось даже нашими противниками. Разве не они всегда высмеивали императора, которого называют теперь Атиллою, за его упорные старания поддерживать всеобщий мир. Вся нация поднялась как один человек не прежде, чем на ее границах появилась численно превосходные неприятельские силы.

Неправда, что мы вторглись в нейтральную Бельгию. Доказано, что Франция и Англия первые решились на вторжение, и доказано равным образом, что это было решено с согласия Бельгии. С нашей стороны было бы самоубийством не предупредить их.

Неправда, что жизнь и собственность отдельных бельгийцев подвергались насилию со стороны наших солдат в тех случаях, когда это не вызывалось крайней необходимостью самообороны. Нет и нет. Несмотря на предупреждения, жители, залегая в окнах, стреляли из домов в солдат. Они хладнокровно убивали и ранили медицинский персонал, когда он исполнял свой высокий долг. Изображать немцев преступниками за то, что они боролись с этими преступлениями и справедливо наказывали убийц — значит до последней степени низко исказить истину.

Неправда, что наши войска варварски поступили с Лувеном. Разъяренные жители города напали на наших солдат и принудили их сжечь в виде наказания часть города. Лучшая часть Лувена пощаже-

на; знаменитая городская ратуша осталась совершенно нетронутой благодаря величайшему самопожертвованию наших солдат, спасавших ее от пожара. Каждый немец глубоко пожалеет, если в продолжение этой ужасной войны погибло или еще погибнет какое-либо произведение искусства. Однако хотя ни один народ не относится к искусству с большим почитанием, чем мы, тем не менее мы решительно отказываемся покупать спасенье памятников искусства ценою поражения Германии.

Неправда, что, воюя, мы не считаемся с международным правом; мы не совершали незаконных жестокостей. Между тем на восточной нашей границе земля напоена кровью женщин и детей, безжалостно заколотых дикими русскими войсками, а на западе пули дум-дум увечат наших солдат. Те, кто вступили в союз с русскими и сербами и явили миру постыдное зрелище подстрекательства монголов и негров против белой расы, не имеют права считать себя столпами цивилизации.

Неправда, что наши противники борются только против германского милитаризма, как они лицемерно уверяют. Они борются и против нашей цивилизации. Без германского милитаризма германская цивилизация давно была бы вырвана с корнем. Под его покровом она выросла в стране, в которой в течение веков царил беспримерный развал. Германская армия и германский народ едины, и ныне это сознание братски объединяет немцев всех сословий, общественных положений и партий.

Мы не можем выбить отравленное оружие — ложь — из рук наших врагов. Все, что мы можем, — это объявить всему миру, что наши враги лжесвидетельствуют против нас. Вы, кто знаете нас, кто вместе с нами хранили самые святые завоевания человека, к вам мы взываем:

Имейте доверие к нам. Верьте, что мы стремимся довести эту войну до конца так, как подобает цивилизованному народу, для которого наследие Гёте, Бетховена и Канта так же священно, как его собственные жизнь и очаги.

Порукой в этом наши имена и честь.

- Адольф фон-Байер*, профессор химии, Мюнхен.
Проф. Юстус Бринкман, директор музея, Гамбург.
Проф. Петер Беренс, Берлин.
Иоанн Конрад, профессор национальной экономики, Галле.
Эмиль фон-Беринг, профессор медицины, Марбург.
Франц фон-Дефреггер, Мюнхен.
Вильгельм фон-Бодде, главный директор Королевского музея, Берлин.
Рихард Демель, Гамбург.
Алоиз Брандль, профессор, президент шекспировского общества, Берлин.
Адольф Дейссманн, профессор богословия, Берлин.

- Луи Брентано*, профессор национальной экономики, Мюнхен.
- Проф. Вильгельм Дерпфельд*, Берлин.
- Фридрих фон-Дун*, профессор археологии, Гейдельберг.
- I. I. де-Гроот*, профессор этнологии, Берлин.
- Альберт Эрхард*, профессор католического богословия, Страсбург.
- Фритц Хабер*, профессор химии, Берлин.
- Проф. Пауль Эрлих*, Франкфурт на Майне.
- Эрнст Гекель*, проф. зоологии, Иена.
- Карл Энглер*, профессор химии, Карлсруэ.
- Макс Хальбе*, Мюнхен.
- Гергард Эссер*, профессор католического богословия, Бонн.
- Проф. Адольф фон-Гарнак*, главный директор королевской библиотеки, Берлин.
- Рудольф Эйкен*, профессор философии, Иена.
- Герберт Эйленберг*, Кайзерверт.
- Генрих Финке*, профессор истории, Фрейбург.
- Эмиль Фишер*, профессор химии, Берлин.
- Вильгельм Ферстер*, профессор астрономии, Берлин.
- Людвиг Фульда*, Берлин.
- Эдуар фон-Геггард*, Дюссельдорф.
- Гергарт Гауптман*, Агнетендорф.
- Карл Гауптманн*, Шрейберхау.
- Густав Хелльман*, проф. метеорологии, Берлин.
- Вильгельм Германи*, профессор протестантского богословия, Марбург.
- Андреас Хейслер*, профессор северной филологии, Берлин.
- Адольф фон-Гильдебранд*, Мюнхен.
- Людвиг Гоффманн*, городской архитектор, Берлин.
- Энгельберт Гумпердинк*, Берлин.
- Леопольд Граф Калькрейс*, президент германского артистического союза, Эддельсен.
- Артур Кампф*, Берлин.
- Фриц Авг. ф. Каульбах*, Мюнхен.
- Теодор Кипп*, профессор права, Берлин.
- Феликс Клейн*, профессор математики, Геттинген.
- Макс Елинггер*, Лейпциг.
- Алоиз Кнепфлер*, профессор истории искусств, Мюнхен.
- Антон Кох*, профессор римско-католического богословия, Мюнстер.
- Пауль Лабанд*, профессор права, Страсбург.
- Карл Лампрехт*, профессор истории, Лейпциг.
- Филипп Ленар*, профессор физики, Гейдельберг.

- Максимилиан Ленц*, профессор истории, Гамбург.
Макс Либерман, Берлин.
Франц фон-Лист, профессор права, Берлин.
Людвиг Манцель, президент Академии искусств, Берлин.
Иозеф Маусбах, профессор римско-католического богословия, Мюнстер.
Георг фон-Майр, профессор политических наук, Мюнхен.
Себастиан Меркле, профессор римско-католического богословия, Вюрцбург.
Эдуард Мейер, профессор истории, Берлин.
Генрих Морф, профессор романской филологии, Берлин.
Фридрих Науманн, Берлин.
Альберт Нейссер, Берлин.
Вальтер Нернст, профессор физики, Берлин.
Вильгельм Оствальд, профессор химии, Лейпциг.
Бруно Пауль, директор школы прикладных искусств, Берлин.
Макс Планк, профессор физики, Берлин.
Альберт Плен, профессор медицины, Берлин.
Георг Рейке, Берлин.
Профессор Макс Рейнгардт, директор германского театра, Берлин.
Алоиз Риль, профессор философии, Берлин.
Карл Роберт, профессор археологии, Галле.
Вильгельм Рентген, профессор физики, Мюнхен.
Макс Рубнер, профессор медицины, Берлин.
Фриц Шапер, Берлин.
Адольф фон-Шлаттер, профессор протестантского богословия, Тюбинген.
Август Шмидлин, профессор Священной истории, Мюнстер.
Густав фон-Шмоллер, профессор национальной экономики, Берлин.
Рейнгольд Зееберг, профессор протестантского богословия, Берлин.
Мартин Шпан, профессор истории, Страсбург.
Франц фон-Штук, Мюнхен.
Германн Зудерманн. Берлин.
Ганс Тома, Карлсруэ.
Вильгельм Трюбнер, Карлсруэ.
Карл Фолльмеллер, Штуттгарт.
Рихард Фосс, Берхтесгаден.
Карл Фосслер, профессор романской филологии, Мюнхен.

Зигфрид Вагнер, Байрейт.

Вильгельм Вальдейер, профессор анатомии, Берлин.

Август фон-Вассерманн, профессор медицины, Берлин.

Феликс фон-Вейнгартнер.

Теодор Виганд, директор музея, Берлин.

Вильгельм Вин, профессор физики, Вюрцбург.

Ульрих фон-Виллармовиц-Меллендорф, профессор физиологии, Берлин.

Рихард Вилльштеттер, профессор химии, Берлин.

Вильгельм Виндельбанд, профессор философии, Гейдельберг.

Вильгельм Вундт, профессор философии, Лейпциг.

(Перепечатано из брошюры Самуэля Гардена Черча, президента института Карнеги в Питтсбурге «Америка о виновниках войны. Ответ на “Воззвание к цивилизованному миру 93 германских профессоров”». Пг., 1915. С. 35—45.)

2. НАШЕ ОТНОШЕНИЕ К ГЕРМАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

На вчерашнем заседании Религиозно-философского общества имени Вл. Соловьева В. Ф. Эрн попытался поставить вопрос не о сущности немецкой культуры и нашем должном отношении к ней, а о фактическом и житейском отношении нашего общества к тому, что мы называем «немецкой культурой».

— Все чаще и чаще, — говорил докладчик, — раздаются голоса опасующихся за судьбы германской культуры. Плакальщики из «Русских ведомостей» и иные печальники, с неистребимым маниловским добродушием опасаются гибели всего «ценного» в германской культуре. Но ведь никто и ничто не угрожает немецкой культуре по существу. Гораздо опаснее для нее пересмотр наших отношений к ней.

Мы находились все время в рабском подчинении к форсированному германскому культурному экспорту. Культура превратилась в Германии в коммерческое предприятие, и к нам ввозят и распространяют в России всякие суррогаты истинного знания. Нам необходим выбор и освобождение из германского гипноза. Мы сами сумеем выбрать то золото, которое есть в германской культуре. Но вопрос, где золото и где грязь германской культуры, — есть вопрос, прежде всего, оценки по существу. От такой оценки докладчик на этот раз уклоняется.

Последовавшие прения после вступления В. Ф. Эрна все же, вопреки воле докладчика, перешли и сосредоточились именно на оценке по существу.

Н. Успенский находит, что совершенный В. Ф. Эрном «пересмотр» германской культуры напоминает по своей жестокости и грубой прямолинейности германцев при разрушении Рейнского собора. Необходимо осторожность в оценках.

Кн. Е. Н. Трубецкой утверждает, что в нашем отношении к германской культуре нам грозит большая опасность — наш собственный «национализм», недооценка германской культуры. Раньше была недооценка своего, а теперь маятник перегнулся, и получается переоценка своего в ущерб чужому.

Вяч. Иванов, очевидно, забыв свой доклад о «вселенском смысле войны», сделал историческую справку о культурах зрелых и незрелых. К первым он относит культуру немецкую, а ко вторым — культуру русскую. Первым свойственна повышенная оценка своего и принцип денационализма (усвоение только общего), вторым — стыд за свое, перенимание чужого и стремление к верхушкам знания. Мы доживаем период незрелости, в то время как Германия обладает культурой законченной и зрелой. Уже чувствуется голод по германской культуре, и не только у нас, а и у Франции и Англии, которые питались германской культурой.

Оригинальную и резко диссонирующую речь произнес С. Ф. Кечкьян. Необходимо опасаться не за судьбы германской культуры, а за судьбу культуры русской. Где гарантии, что мы осуществляем вселенское дело, а не германцы? И германцы сражаются за любовь к родине и обнаруживают при этом не тевтонскую жестокость, а римскую доблесть. Нам необходимо осудить не германцев, а то зло, которое кроется в каждой войне.

С. Н. Булгаков и на этот раз остался верен себе и не подчинился тем расслабляющим настроениям, которые так ярко выразились в речах большинства участников беседы. Вопрос идет не об отношении к германской культуре, а об отношении нашем к нам самим, к нашей судьбе и нашему назначению. Мы пережили европейскую культуру, и у нас есть свой глухой зов, своя тоска к иной культуре — религиозной. Но нам нужен наш идеал, иной, чем европейский, и от него мы не откажемся.

Говорили еще С. Дурылин, Б. А. Грифцов и др.
В. Ф. Эрн отвечал оппонентам.

(«Утро России». Москва. 1915. 16 января. № 16. С. 4.)

3. В. Эрн В СОЛОВЬЕВСКОМ ОБЩЕСТВЕ (Письмо в редакцию)

О закрытом заседании Религиозно-философского общества памяти В. Соловьева, посвященном вопросу об «отношении к германской культуре», в печать прошли не совсем правильные сведения. По отчетам выходит так, что на заседании царили «расслабляющие настроения», причем под последними разумеется «германофильский» тон речей некоторых из ораторов.

Ввиду того, что такое неправильное освещение может быть подхвачено германофильскими элементами нашего общества, которые от души могут обрадоваться мнимому германофильству, вдруг зазвучавшему в обществе памяти В. Соловьева, я, как участник заседания, ощущаю большую потребность сказать несколько слов о действительном характере этого весьма интересного вечера.

Германофильские речи совершенно неизбежны в атмосфере свободного и чисто теоретического обсуждения. Раз в русском обществе существует германофильствование (этот начальный факт совершенно несомненен), то германофильские точки зрения непременно прозвучат в беседе, в которой священно соблюдается принцип свободы в высказываниях. В вечере, о котором я говорю, характерно не то, что в нем раздали германофильские речи (кстати сказать, весьма корректные по форме), а то, что они совершенно потонули в речах противоположного характера. И потонули не потому, что речей германофильских было мало (четыре), а речей противоположного направления было много (десять). Нет, в развитии беседы, которая шла нарастающая, речи германофильского направления были внутренне зачеркнуты и с большим подъемом преодолены речами других ораторов.

Соловьевское общество поступило очень мудро, дав возможность германофильствующей молодежи высказать до конца свои незрелые и «зеленые» мысли о германской культуре. Они говорили горячо и в то же время с величайшей внутренней неуверенностью. Они все время прибегали к выражениям: «может быть», «а не есть ли?», «а нельзя ли сказать?» и скорее гадали о возможной правде германской культуры, чем утверждали о ней что-нибудь в определенной и обоснованной форме. Поэтому от речей их получалось впечатление симптоматичное, несмотря на ошибочность их тенденций. Их речи были разобраны в дальнейшем течении беседы, и вряд ли я выражу только свое впечатление, если скажу, что их случайные мысли были бесследно развеяны могучим подъемом многих речей, в которых правда России и неправда Германии в настоящем их столкновении, не только военном, были утверждены и с большим красноречием, и с большей убедительностью.

Последняя линия шла нарастающая. Начавшись с речи кн. Е. Н. Трубецкого, она утвердилась прежде всего в тонкой и глубокой речи Вяч. Иванова (в которой г. Грифцов напрасно искал какого-то расхождения с прежней речью его «Вселенское дело», затем пламенно поднялась вверх в задушевной, всех тронувшей речи С. Н. Булгакова и нашла блестящую моральную транскрипцию в горячо сказанной речи г. Вышеславцева.

Председатель, закрывая собрание, мог смело говорить о некоторых общих положительных результатах, к которым привела беседа. Результаты действительно получились, ибо к концу беседы определился общий consensus, в котором германофильские высказывания участников беседы были диалектически уничтожены.

4. ДОВОДЫ РОССИИ И ЕВРОПЫ

Ниже помещаемая статья г. Эрна «О Царьграде», без сомнения, вполне отвечает духу и чувствам русских читателей. Скажем даже более: русскому обществу не нужны какие-либо особые доказательства на право обладания нами древней Византией. Вся Россия — от мала до велика — инстинктом осязает это историческое свое право, будучи готовой защищать его с оружием в руках. Поэтому аргументы, исходящие от реальных соображений или же метафизических построений, одинаково для нас и ценны и ??? в одно и то же время.

Но будучи очень безусловным для нас, право России на Царьград далеко не представляется таким же безусловным в глазах Европы и мира.

С этой точки зрения позиция г. Эрна, да и других авторов, писавших и читавших о судьбах Константинополя, рисуется нам недостаточно твердой.

Все эти ссылки на Достоевского, на духовные особенности нашего народа — очень интересны и ценны для нас, но какую, например, ценность представляет для Европы пророчество нашего гениального писателя?

Какое дело Европе до того, что при помощи Царьграда мы хотим ликвидировать петербургский период нашей истории?

Думается затем, что если бы на заседании ??? при заключении мира наши дипломаты стали бы доказывать, что через Царьград Россия намерена начертать «полноту истории» и «мировой Симпозион», то такое заявление вызвало бы только улыбку.

Но зато стремление установить «вселенскость», несомненно, устрало бы даже наших союзников, только что освободившихся от призрака германской «вселенскости».

Повторяем, мы отнюдь не хотим устранять из нашей аргументации философию, историю и тем более религию — все это должно иметь место, — но для Европы необходимы и более почвенные доказательства нашего права на Константинополь.

В самом деле, возьмем историю. Разве с меньшим правом могут претендовать на Византию Греция и даже некоторые латинские государства, в течение долгого времени владевшие Царьградом?

А религия? Да разве та же Греция и Болгария не православны? Почему же только православной России должно принадлежать череполосное право водрузить христианский крест на Софии?..

Слияние Востока с Западом... Но ведь эту миссию с успехом могла бы исполнить и преобразованная Турция и, наконец, автономно-нейтральная Византия! Почему ради философии и истории не восстановить древней Византии, благо и претендент имеется в лице французского посла Палеолога, кажется, одного из отпрысков последней византийской династии?

Вот контрвопросы — далеко еще не исчерпанные, — которые будут предложены нам союзниками, если мы будем опираться в своих домогательствах только на изысканно-отвлеченную метафизику.

Поэтому хоть бы в интересах этой самой метафизики — мы вполне ее понимаем — нам в своих суждениях о Константинополе необходимо выдвигать на первый план более твердую, более понятную для Европы и более бесспорную для нее почву.

С этой точки зрения нам глубоко ошибочным кажется несколько пренебрежительное отношение к аргументам экономического и политического характера. Важности их не отрицают, нет, но им всегда отводится как бы подсобная роль. Между тем перед деловой Европой мы можем выступить только с деловыми, чуждыми всякой отвлеченности понятиями.

Европа, конечно, великолепно усвоила мысль об экономической нужде нашей в проливах, но она будет торговаться за свободу их прохода судами всех наций.

Европа в конце концов признает и наше право на Царьград, но даже союзники заинтересуются вопросом о форме торговли в этом городе. Будет ли там порто-франко?

Насколько нам знакома новейшая русская литература о Царьграде, все эти вопросы обходятся молчанием. Между тем в глазах Европы только они и имеют цену.

В настоящей своей заметке, написанной по поводу статьи г. Эрна, мы не претендуем решать все эти затронутые вопросы. Мы только ставим их на очередь, считая, что наступила пора из области метафизики перейти на реальную почву.

Русская печать обязана дать совершенно ясный и точный отчет в своих домогательствах на Царьград, обосновав их бесспорными реальными доводами. Такие доводы даны нам историей неоднократно, и в особенности в нынешнюю войну, когда мы благодаря сравнительно малосильной Турции очутились в искусственной блокаде, не дающей нам возможности в полном объеме исчерпать не только экономических, но даже и военных своих сил.

(«Утро России». Москва. 1915, 22 марта. № С.)

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

Стихотворение В. Ф. Эрн

Как во чистом поле
Во зеленом
Стоит холм-гора
Агромадная.
А под тем холмом
Спят покойнички
Превеликие:
Сам Самсон-богатырь
Купно с братией,
Царь Давид, Соломон
Со пророками
И святые угоднички
Земли русской
Упокоили в нем
Свои косточки.
И идет молва
По полям, лесам
И по всей земле
Мати — страдальной

Что придет год,
Что придет час
И развернется та
Гора надвое,
И восстанут
Те покойнички,
Один за другим
До последнего;
И пойдут ходить
По лицу земли
От Востока и Запада
И до Севера.
Ой, ты, гой-еси,
Новый Год!
Ты скажи, скажи нам
Правду истинную
Уж не ты ли тот год
Жданный, гаданный?

(Ранее опубликовано в «Собрании сочинений» Вяч. Иванова, т. 2. Брюссель. 1975. С. 690 в примечаниях к книге «Cor ardens»).

ПРИЛОЖЕНИЕ V

Материалы к библиографии В. Ф. Эрн

I. МОНОГРАФИИ, БРОШЮРЫ, СБОРНИКИ

1. Взыскующим Града. М., 1906 (совместно со Свенцицким В. П.) (Религиозно-общественная библиотека. № 1).
Содержание: I. Взыскующим Града. II. Об одном недоумении. III. Духовный блуд. IV. Торжествующая ересь. V. Абсолютное добро и Гучков А. И. VI. К чему ведет русская революция.
2. Как нужно жить христианам? Церковь апостольская. М.: Труд и воля, 1906. 16 с. (Религиозно-общественная библиотека. Сер. 2. № 7).
3. Семь свобод. М.: Труд и воля, 1906. 16 с. (Религиозно-общественная библиотека. Сер. 2: Для народа. Вып. 5).
4. Христианское отношение к собственности. 1906. 54 с. (Религиозно-общественная библиотека. Сер. 1. № 3).
5. Социализм и общее мировоззрение. Сергиев Посад, 1907. 26 с.
6. Значение «Жизни Иисуса» // [Конволют] Эрн. Значение «Жизни Иисуса». — Свящ. К. Агеев. Ложь — исторический закон. [Рецензии на роман Ренана «Жизнь Иисуса»]. СПб., 1907. 15 с. (Библиотека «Век». Вып. 5).
7. Пастырь нового типа. М.: Труд и воля, 1907. 22 с. (Религиозно-общественная библиотека. Сер. 1: Для интеллигенции. № 7).
8. «Откровение в грозе и буре». Разбор книги Н. Морозова. Сергиев Посад, 1907. 32 с. (Отт. из № 10 «Богословского вестника» за 1907 г.).
9. Социализм и проблема свободы. М., 1908. 48 с.
10. Борьба за Логос. Опыты философские и критические. М.: Путь, 1911. VII + 361 с.
Содержание: Предисловие. Размышления о прагматизме. Беркли как родоначальник современного имманентизма. Природа философского сомнения. Нечто о Логосе, русской философии и научности. Культурное непонимание. Исходный пункт теоретической философии. Социализм и проблема свободы. Идея катастрофического прогресса. Филологизирующий астроном. Методы

исторического исследования и книга Гарнака «Сущность христианства». «Историческая церковь». Разговор о логике с социал-демократами. После-словие: На пути к логизму.

11. Григорий Саввич Сковорода: Жизнь и учение. М.: Путь, 1912. 342 с. Серия «Русские мыслители».
- 11а. То же // Волшебная гора. Москва. Т. VII. С. 26—157.
12. Природа мысли. Сергиев Посад, 1913.
13. Природа научной мысли. Сергиев Посад, 1914. 48 с.
14. Спор о психологизме в итальянской философии. Сергиев Посад, 1914.
15. Спор Джоберти с Розмини (Речь, прочитанная на годичном акте Тифлиских высш. женск. курсов 24 сентября 1913 г.). Тифлис, 1914. 20 с.
16. Розмини и его теория знания. Исследование по истории итальянской философии XIX столетия. М.: Путь, 1914. 296 с.
17. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1915. 48 с. Серия «Война и культура».
Содержание: Лекция первая. лекция вторая.
18. Меч и крест. Статьи о современных событиях. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1915. 104 с.
Содержание: Меч и крест. Голос событий. Великое в малом. От Канта к Круппу. Сущность немецкого феноменализма. Автономная Армения. Острые русско-польских отношений. «И на земли мир». Общее дело. Ненужные рыдания. Что такое форсировка? Налет Валькирий.
19. Философия Джоберти // Ученые записки Московского университета. Отдел историко-филологический. 1916. Вып. 44. С. 1—348.
20. Философия Джоберти. М.: Путь, 1916. VI + 251 с.
21. Разбор Послания Святейшего Синода об имени Божиим. М.: Религиозно-философская библиотека, 1917. 38 с.
- 21а. То же // Начала. М., 1995. № 1—4. С. 53—88.
22. Сочинения / Сост., подгот. текста Н. В. Котрелева, Е. В. Антоновой. Вступ. ст. Ю. Шерпер. М., 1991. 575 с.
Содержание: Борьба за Логос. Меч и крест. Время славянофильствует. Смысл онтологизма Джоберти в связи с проблемами современной философии. Основная мысль второй философии Джоберти. Верховное постижение Платона. Примечания. Указатель имен.
23. Борьба за Логос; Г. Сковорода. Жизнь и учение. Минск, 2000. 589 с.

II. СТАТЬИ

24. Христианское отношение к собственности // Вопросы жизни. 1905. Август. С. 246—272; Сентябрь. С. 361—382.

- 24а. То же // Русская философия собственности (XVII—XX вв.). СПб., 1993. С. 194—226 (с сокращениями).
25. О движении среди грузинского духовенства // Вопросы жизни. 1905. Август. С. 273—291.
26. Церковное возрождение (О приходе) // Вопросы религии. Вып. 1. М., 1906. С. 102—142.
27. Церковная реформа. Гласное обращение к членам комиссии по вопросу о церковном Соборе // Народ. Ежедневное издание. 1906. 2 (15) апреля. № 1. С. 4. (Вместе с Вал. Свенцицким).
28. Москва. Троице-Сергиевская лавра // Народ. Ежедневное издание. 1906, 5 (18) апреля. № 2. С. 3. (В рубрике «По России. От наших корреспондентов». О выступлении П. А. Флоренского «Вопль крови»). Подписано: Студент.
29. Гражданские свободы и христианство // Встань, спящий! Тифлис. 1906. 7 мая. № 2. Стб. 7—13.
30. Лекция о. Михаила. Корреспонденции из Москвы // Век. 1907. 30 января. № 6. С. 75.
31. Социализм и общее мировоззрение // Богословский вестник. 1907. Т. 3. № 9. Паг. 2. С. 35—60.
32. Откровение в грозе и в буре // Богословский вестник. 1907. Т. 3. № 10. Паг. 2 С. 282—311.
(О кн. Н. А. Морозова «Откровение в грозе и буре», посвященной исследованию Откровения Иоанна Богослова).
33. Книга о. Восторгова // Век. 1907. 14 января. № 2. С. 25—26. (Подписано: В. Э.).
34. Наша вина // Век. 1907. 21 января. № 3. С. 34—35.
35. «Христос в революции» // Век. 1907. 18 января. № 7. С. 83—85. (Об одноименной книге Б. Демчинского).
36. Плеханов об Ибсене // Век. 1907. 18 марта. № 11. С. 133—135.
37. Свобода // Век. 1907. 15 апреля. № 15. С. 194—195.
38. О чем говорят пасхальные дни // Век. 1907. 22 апреля. № 16. С. 214—215.
39. Христианство и мир. Ответ Д. С. Мережковскому // Живая жизнь. 1907. 27 ноября. № 1. С. 15—46.
(На статью Д. С. Мережковского «Последний святой» в журнале «Русская мысль». 1907. Август—сентябрь).
40. Социализм и проблема свободы // Живая жизнь. 1907. 20 декабря. № 2. С. 40—87.
41. Таинства и возрождение Церкви // Церковное обновление. Бесплатное приложение к еженедельнику «Век». 1907. 4 марта. № 9. С. 65—66.

42. Историческая Церковь // Церковное обновление. Бесплатное приложение к еженедельнику «Век». 1907. 18 марта. № 11. С. 81—83.
43. Значение «Жизни Иисуса» // Агеев К., Эрн В. Ф. О Ренане. СПб., 1907. С. 3—10.
44. Старообрядцы и современные религиозные запросы // Живая жизнь. 1908. 15 января. № 1. С. 9—16.
45. Из диалогов о современности: о смирении и своеволии // Живая жизнь. 1908. 15 января. № 1. С. 37—41. (Подписано: Адлер В.).
46. Геккель о христианстве // Живая жизнь. 1908. 30 января. № 2. С. 43—49.
47. Письмо в редакцию // Русское слово. 1908. 21 ноября (4) декабря. № 275. С. 5. (Подписи: Г. Рачинского, Е. Трубецкого, С. Булгакова, А. Волжского (Глинки), В. Эрн, А. Ельчанинова).
48. Русский Сократ // Северное сияние. 1908. № 1. С. 59—69.
49. О жизненной правде // Вопросы религии. Вып. 2. М., 1908. С. 29—61.
50. Что делать? // Вопросы религии. Вып. 2. М., 1908. С. 62—91.
51. Храм или биржа? // Религия и жизнь. М., 1908. С. 11—13. (Подписано: В. Адлер).
52. К вопросу о современном значении старообрядчества. Из частной переписки // Религия и жизнь. М., 1908. С. 75—82. (Записки С. Каблукова и о. Михаила по поводу статьи В. Ф. Эрн «Старообрядцы и современные религиозные запросы» в № 1 журнала «Живая жизнь» за 1908 и на с. 79—82 ответ В. Ф. Эрн).
53. Христианство // Ельчанинов А., Эрн В., Флоренский П. История религии. М., 1909 (в соавторстве с А. Ельчаниновым).
- 53а. То же // Ельчанинов А., Флоренский П., Эрн В. История религии. М.; Париж, 2004. С. 131—164.
54. Беркли как родоначальник современного имманентизма // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 103 (III). С. 413—436.
55. Природа философского сомнения // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 105 (V). С. 309—324.
56. Идея катастрофического прогресса // Русская мысль. 1909. Кн. 10. С. 142—159.
- 56а. То же // Литературная учеба. 1991. Кн. 2. Март—апрель. С. 133—141.
57. «Утонченная Фиваида» // Московский еженедельник. 1910. 27 февраля. № 9. С. 51—54. (О докладе Н. А. Бердяева в Религиозно-философском обществе памяти В. Соловьева 11 февраля 1910 г.) Подписано: В. Э.

-
58. Размышления о прагматизме // Московский еженедельник. 1910. 1 мая. № 17. С. 40—54; 8 мая. № 18. С. 31—41.
59. Нечто о Логосе, русской философии и научности // Московский еженедельник. 1910. 24 июля. № 29. С. 32—40; 31 июля. № 30. С. 30—40; 7 августа. № 31. С. 34—44; 14 августа. № 32. С. 34—42.
60. Культурное непонимание. Ответ С. Л. Франку // Русская мысль. 1910. Кн. 11. С. 116—129.
61. Джоберти // Новый энциклопедический словарь. Т. 16. СПб., 1910. Стб. 79—84.
62. Итальянская философия // Новый энциклопедический словарь. Т. 19. СПб., 1910. Стб. 944—949.
63. Гносеология В. С. Соловьева // Сборник первый. О Владимире Соловьеве. М.: Путь, 1911. С. 129—207.
- 63а. То же // Сборник статей о В. Соловьеве. Брюссель, 1994. С. 167—263.
64. Жизнь и личность Григория Саввича Сковороды // Вопросы философии и психологии. 1911. Кн. 107 (II). С. 126—166.
65. Очерк теоретической философии Г. С. Сковороды // Вопросы философии и психологии. 1911. Кн. 110 (V). С. 645—680.
66. Толстой против Толстого // Сборник второй. О религии Л. Толстого. М.: Путь, 1912. С. 214—248.
- 66а. То же // Л. Н. Толстой: pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 2000. С. 639—668.
67. Критика кантовского понятия истины // Философский сборник. Льву Михайловичу Лопатину к тридцатилетию научно-педагогической деятельности. От Московского психологического общества. 1881—1911. М., 1912. С. 49—61.
68. Письма о христианском Риме. Письмо первое, вступительное // Богословский вестник. 1912. Т. 3. № 11. Паг. 2. С. 561—568.
- 68а. То же // Наше наследие. 1991. Кн. II (20). С. 119—121.
69. Письма о христианском Риме. Письмо второе. В катакомбах св. Валентина // Богословский вестник. 1912. Т. 3. № 12. Паг. 1. С. 760—771.
- 69а. То же // Наше наследие. 1991. Кн. II (20). С. 121—125.
70. Природа мысли // Богословский вестник. 1913. Т. 1. № 3. Паг. 2. С. 500—531; № 4. Паг. 2. С. 803—843; Т. 2. № 5. Паг. 2. С. 107—150.
71. Письма о христианском Риме. Письмо третье. В катакомбах св. Каллиста // Богословский вестник. 1913. Т. 1. № 1. Паг. 2. С. 101—114.
- 71а. То же // Наше наследие. 1991. Кн. II (20). С. 125—128.

72. Письма о христианском Риме. Письмо четвертое. Санти-Джованни-е-Паоло. Папа Дамаз // Богословский вестник. 1913. Т. 3. № 9. Паг. 2. С. 77—86.
- 72а. То же // Наше наследие. 1991. Кн. II (20). С. 128—131.
73. Об изучении философии Розмини // Богословский вестник. 1913. Т. 3. № 10. Паг. 1. С. 381—394.
74. Антонио Розмини. Жизнь и личность Розмини // Вопросы философии и психологии. 1913. Кн. 119 (IV). С. 514—580.
75. Природа научной мысли. I. Постановка вопроса. Тонус науки. II. Науки и научное мировоззрение // Богословский вестник. 1914. Т. 1. № 1. Паг. 2. С. 154—173.
76. Природа научной мысли. III. Теоретическая ценность естественнонаучных положений. IV. «Протон-псевдос» механического естествознания // Богословский вестник. 1914. Т. 1. № 2. Паг. 2. С. 342—368.
77. Спор о психологизме в итальянской философии // Богословский вестник. 1914. Т. 1. № 4. Паг. 2. С. 347—770; Т. 2. № 5. Паг. 2. С. 48—82.
78. Очерк теософии Розмини // Богословский вестник. 1914. Т. 2. № 7—8. Паг. 1. С. 535—568; Т. 3. № 9. Паг. 1. С. 119—143.
79. Основы идеологии Розмини // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн. 121 (I). С. 65—109.
80. Учение Розмини о достоверности и критика его идеологии // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн. 123 (III). С. 268—299.
81. Спор Джоберти с Розмини // Известия Тифлиских высших женских курсов. Тифлис. 1914. Т. 1. Вып. 1. С. 1—18.
82. Около нового догмата (Письма об имяславии). Письмо первое. Предварительные замечания // Итоги жизни. 1914. 19 июля. № 22/23. С. 4—9.
83. Критика новой философии у Джоберти // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн. 125 (V). С. 497—518.
84. От Канта к Круппу // Русская мысль. 1914. Кн. 12. С. 116—125.
- 84а. То же // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 101—107.
85. Голос событий // Новое звено. Еженедельник. 1914. 15 ноября. № 47. С. 4—6.
86. Великое в малом // Утро России. 1914. 16 декабря. № 313. С. 4.
87. «Автономная» Армения // Утро России. 1914. 18 декабря. № 315. С. 1—2.
88. Несколько слов о «балканских настроениях» // Новое звено. Еженедельник. 1914. 20 декабря. № 52. С. 12—13.

89. «И на земли мир...» // Утро России. 1914. 25 декабря. № 322. С. 1—2.
90. Место Розмини в истории философии // Вопросы философии и психологии. 1915. Кн. 127 (II) С. 342—250.
91. Философия Джоберти // Вопросы философии и психологии. 1915. Кн. 129 (IV). С. 467—529; Кн. 130 (V). С. 67—99.
92. Общее дело // Утро России. 1915. 6 января. № 6. С. 2.
93. Острые русско-польских отношений // Новое звено. Еженедельник. 1915. 17 января. № 3. С. 14—17.
94. В Соловьевском обществе. Письмо в редакцию // Утро России. 1915. 18 января. № 18. С. 6.
95. Ненужные рыдания // Утро России. 1915. 22 января. № 22. С. 4.
96. Налет Валькирий // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. 30 января. № 14642 С. 2.
97. Что такое форсировка // Утро России. 1915. 10 февраля. № 40. С. 2.
98. Россия и Польша // Новое звено. Еженедельник. 1915. 7 марта. № 9/10. С. 19—21.
99. О Царьграде // Утро России. 1915. 22 марта. № 80. С. 2.
100. Царьград и славяно-греческое Возрождение // Утро России. 1915. 1 апреля. № 88. С. 2.
101. Серый гранит // Утро России. 1915. 9 апреля. № 96. С. 2.
102. Царьград и англо-русское сближение // Утро России. 1915. 17 мая. № 134. С. 2.
103. Святая Русь и Россия // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. 23 мая. № 14859. С. 2.
104. Германия и Европа // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. 29 июня. № 14933. С. 2.
105. Немецкая хвастливость // Утро России. 1915. 24 октября. № 292. С. 2.
106. Смысл онтологизма Джоберти в связи с проблемами современной философии // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 131 (I). С. 67—99.
107. Основная мысль второй философии Джоберти // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 132—133 (II—III). С. 125—154.
108. Жизнь и личность Джоберти // Русская мысль. 1916. Кн. 4. Паг. 2. С. 35—60.
109. Спор об имени Божиим // Христианская мысль. 1916. № 9. С. 101—110.
110. На церковные темы // Утро России. 1916. 6 марта. № 66. С. 2.
111. Победа или отпор? // Утро России. 1917. 23 марта. № 78. С. 2.

112. Верховное постижение Платона. Введение в изучение Платоновых творений // Вопросы философии и психологии. 1917. Кн. 137—138 (II—III). С. 102—173.
113. Проблема истории. По поводу диссертации Г. Г. Шпета «История как проблема логики» // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. Часть 67. № 6. Июнь. С. 314—330.
114. О великолепии и скептицизме. К характеристике адогматизма // Христианская мысль. 1917. № 3/4. С. 163—169.
115. [Curriculum vitae и др. документы В. Эрна] // Начала. Москва, 1993. № 3. С. 131—134.
116. [Письма и отрывки из писем В. Ф. Эрна и к В. Ф. Эрну времени 1900—1917 гг.] // Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / Сост., подготовка текста, вступ. статья и коммент. В. И. Кейдана. М., 1997.
117. Записная книжка В. Ф. Эрна // Взыскующие града... М., 1997. С. 705—716.

III. РЕЦЕНЗИИ

118. *А. Филь*. Виноват ли свящ. Петров? Трагедия православного духовенства. М., 1907. — *А. Гофман*. Десять заповедей и имущие классы. СПб., 1907 — *Ч. Бредло*. Атеизм. Изд. «Поток». СПб., 1907 // Век. 1907. 4 марта. № 9. С. 113—114. (Подписано: В. Э.).
119. *Бердяев Н. А.* Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные. СПб. // Век. 1907. 1 апреля. № 13. С. 167—168. (Подписано: В. Э.).
120. *Т. В. Петров*. Основы общественной жизни по учению Евангелия. М., 64 с. // Век. 1907. 10 июня. № 22. С. 339—340. (Подписано: В. Э.)
121. *Гастон Ст.* Чемберлен. Явление Христа. Изд. 4-е. СПб., 1907 // Век. 1907. 8 июля. № 26. С. 419—420. (Подписано: В. Э.)
122. Из истории раннего христианства. Сб. статей Гарнака, Вольгаузена и Юлихера. М., 1907 // Живая жизнь. 1908. 15 января. № 1. С. 56—57. (Подписано: В. Э.)
123. *В. Вреде*. Павел / Пер. с нем. под ред. Н. М. Никольского. М., 1907 // Живая жизнь. 1908. 30 января. № 2. С. 57—59. (Подписано: В. Э.)
124. *Ив. Наживин*. Мене, Текел, Фарес... // Религия и жизнь. 1907. № 1. С. 15. (Подписано: В. Э.)
125. *Э. Бутру*. Наука и религия в современной философии. М., 1910 // Московский еженедельник. 1910. 13 марта. № 11. С. 53—54. (Подписано: В. Э.)

126. *T. Campanella*. Le poesie. Edizione completa. Lanciano, 1913 // Богословский вестник. 1913. Т. 2. № 6. Паг. 1. С. 390—401.
127. *Paolo Sarpi*. Scritti filosofici inediti. Lanciano, 1910 // Богословский вестник. 1913. Т. 2. № 6. Паг. 1. С. 401—411.
128. *Эллис*. *Vigilemus*. Трактат. М.: Мусaget // Голос Москвы. 1915. 10 января. № 7. С. 6.
129. *Франческо Петрарка*. Памятники мировой литературы. Автобиография, исповедь, сонеты / Пер. М. Гершензона и Вяч. Иванова М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1915 // Голос Москвы. 1915. 5 февраля. № 29. С. 6.
130. *Кн. Евг. Трубецкой*. Смысл войны. М., 1914; *Его же*. Война и мировая задача России. М., 1915; *Его же*. Национальный вопрос. Константинополь и Святая София. М., 1915 // Голос Москвы. 1915. 9 апреля. № 81. С. 6.
131. *Г. А. Рачинский*. Японская поэзия. М.: Мусaget // Голос Москвы. 1915. 17 апреля. № 86. С. 6.
132. *Г. Шпет*. Философское наследство П. Д. Юркевича. К сорокалетию со дня смерти. М., 1915 // Голос Москвы. 1915. 24 апреля. № 93. С. 6.
133. Из рукописи А. Н. Шмидт. С письмами к ней В. С. Соловьева. 1916 // Утро России. 1916. 30 января (12 февраля). № 30. С. 5.

IV. ПРЕДИСЛОВИЯ, ПОСЛЕСЛОВИЯ И ПР.

134. Катакомбы и современность // Буасье Г. Катакомбы / Пер. Е. Векиловой. М., 1907. (Религиозно-общественная библиотека. Сер. 3. № 3). С. 3—11.
135. Методы исторического исследования и «Сущность христианства» А. Гарнака // Гарнак А. Сущность христианства / Пер. Е. Векиловой и В. Эрн. М., 1907. С. I—XXX.

ПРИЛОЖЕНИЕ VI

Список сокращений названий наиболее часто используемых источников

- Взыскующие града. Хроника — Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С. А. Аскольдова, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Е. Н. Трубецкого, В. Ф. Эрна и др. М., 1997.
- Голлербах Е. А. К незримому граду — *Голлербах Е. А. К незримому граду. Религиозно-философская группа «Путь» (1910—1919) в поисках новой русской идентичности.* СПб., 2000.
- Колеров М. А. Не мир, но меч — *Колеров М. А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех».* 1902—1909. СПб., 1996.
- Фирсов С. Л. Русская церковь — *Фирсов С. Л. Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.)* Б. м., 2000.